

М. А. ЗАБОРОВ

СОВРЕМЕННОКИ—ХРОНИСТЫ И ИСТОРИКИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

1. Важнейшие латинские хроники крестовых походов *

Основные сведения о крестовых походах содержатся в западноевропейских хрониках и других исторических повествованиях XI—XIII вв., к которым примыкают также произведения историков латинского Востока. Одни из этих сочинений непосредственно посвящены крестовым походам, главным предметом изложения в других является или всеобщая история того времени, или история отдельных стран, городов, церкви и т. п., но при этом крестоносные сюжеты также занимают в них значительное место. Собственно говоря, как справедливо заметил К. Каэн, «нет ни одной хроники или анналов (этого времени. — *М. З.*), в которых не упоминались бы крестовые походы»¹. Перечень хроник, приводимый нами, включает в себя только наиболее значительные из них, и притом главным образом такие, темой которых являются собственно «священные войны» на Востоке.

Первый крестовый поход (1096—1099 гг.), результатом которого явилось завоевание западноевропейским рыцарством прибрежной полосы Сирии и Палестины и создание там Латино-Иерусалимского королевства, привлекал к себе едва ли не наибольшее внимание современных ему и позднейших историков XII—XIII вв. Его описывают прежде всего произведения, созданные самими участниками событий 1096—1099 гг. Это, во-первых, «Деяния франков и прочих иерусалимцев» безвестного итало-норманского рыцаря из отряда князя Боэмунда Тарентского: они представляют собой единственную хронику, принадлежащую перу светского очевидца похода, и написаны на основе его дневника (около 1100 г.)²; во-вторых, «История франков,

* Имеются в виду крестовые походы, предпринимавшиеся в страны Ближнего Востока в 1096—1270 гг.

¹ С. С a h e n. *La Syrie du Nord à l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche*. Paris, 1940, p. 3.

² Далее цит. по изд.: *Histoire anonyme de la première croisade*, ed. L. Bréhier. Paris, 1924. Аноним, автор *Gesta Francorum*, находился сперва в отряде Боэмунда Тарентского, а начиная с лета 1098 г., после победы крестоносцев над Мосульским атабегом Кербогой под Антиохией, сражался в ополчениях графа Раймунда Тулузского и герцога Роберта Нормандского. Его хроника охватывает события похода до битвы при Аскалоне с египтянами (12 августа 1099 г.). Вопрос об авторской принадлежности этой наиболее ранней хроники похода 1096—1099 гг. уже с начала XVII в., когда она впервые была опубликована в издании Ж. Бонгара (*J. Bongars. Gesta Dei per Francos. Hanoviae, 1611*), и вплоть до нашего времени остается предметом небывалой по длительности научной дискуссии. См. об этом памятник: Н. S i b e l. *Geschichte des ersten Kreuzzuges*, 2. Aufl. Leipzig, 1881, S. 22—31 [автор убедительно доказал — вопреки мнению прежних исследователей — аутентичность *Gesta Francorum* и принадлежность этой хроники итало-норманскому рыцарю Анониму, у которого позднее заимствовали основное содержание его произведения Тудебод (*ibid.*, S. 31—32), Гвиберт Ножанский (*ibid.*, S. 32—35), Бодри Дольский (*ibid.*, S. 35—38),

которые взяли Иерусалим» провансальского священника Раймунда Агильерского (писалась главным образом во время осады Антиохии в 1098 г. и в конце 1099 г.³); и в-третьих, «Иерусалимская история» французского клирика Фульшера Шартрского (около 1059 г. — около 1128 г.) (ее отдельные части создавались, по мнению исследователей, соответственно в 1101, 1106, 1124 и 1127 гг.⁴). К ним примыкает по своему характеру также принадлежащая очевидцу, но несколько более поздних событий (периода утверждения крестоносцев в Сирии и Палестине в два ближайших после взятия Иерусалима десятилетия) хроника «Антиохийские войны» Готье Канцлера⁵ (ее первая часть написана около 1115 г., вторая — около 1119 г.)⁶.

Роберт Монах (*ibid.*, S. 44—46) и некоторые другие современные историки Первого крестового похода); Ch. Turgot. *Études critiques sur les historiens de la première croisade. De l'ouvrage anonyme intitulé Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum.* «*Revue historique*», t. I, fasc. 1, 1876, p. 67—77; H. Hagenmeyer. *Das Verhältnis der Gesta Francorum zu dem Hierosolymita Ekkehardt von Aura.* «*Forschungen zur deutschen Geschichte*», Bd. XV. Göttingen, 1875, S. 21—42 (автор показывает зависимость хроники Эккехарда Аврейского от *Gesta Francorum*, как ее основы); A. Molinier. *Les sources de l'histoire de France*, t. I, № 2415, p. 281; L. Bréhier. *Histoire anonyme de la première croisade.* Paris, 1924, Introduction, p. XII sq. (здесь была выдвинута гипотеза, согласно которой сохранившаяся редакция хроники принадлежит двум лицам: рыцарю Анониму, автору первоначального, весьма точного в фактическом отношении произведения, и некоему клирику, исправившему стиль Анонима, вставившему в его текст речи, цитаты из библии и пр.); см., кроме того, блестяще написанный, но почти полностью лишенный научного аппарата очерк об Анониме в книге румынского историка N. Jorga. *Les narrateurs de la première croisade.* Paris, 1928, p. 62—73 [очерк был назван «Тудебод» в связи с тем, что, в отличие от Г. Зибеля и Л. Брейе, Йорга считал автором первоначальной редакции хроники французского клирика Тудебода (ор. cit., p. 62—64), в действительности, как показал Зибель, являвшегося лишь компилятором]. Из новейших исследований этого вопроса отметим статьи: E. Jamison. *Some Notes on the Anonymi Gesta Francorum.* «*Studies in French Language and Medieval Literature*, presented to M. K. Pope». Manchester, 1939, p. 183—208 (приводится ряд новых доказательств достоверности и аутентичности хроники); H. J. Witzel. *Le problème de l'auteur des Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum.* «*Le Moyen Age*», t. 61. Bruxelles, 1955, p. 319—328 (путем анализа стиля хроники и ее основных речевых оборотов отвергается теория Л. Брейе, доказывающаяся единство *Gesta* и также утверждается принадлежность всех ее частей одному автору).

³ Далее цит. по изд.: *Raimundi de Aguilers Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem.* RHCoc., t. III. Paris, 1866. Автор этой хроники состоял в свите и являлся духовником графа Раймунда Тулузского; он был близок также к папскому легату в крестоносном войске — епископу Адемару Монтейльскому из Пюи. Подобно Анониму, Раймунд Агильерский находился в центре многих важных событий Первого крестового похода. См. подробней о нем и его хронике: C. Klein. *Raimund von Aguilers. Quellenstudien zur Geschichte des ersten Kreuzzuges.* Berlin, 1892.

⁴ Далее цит. по изд.: *Fulcherii Carnotensis Historia. Iherosolymitana (Gesta Francorum Iherusalem peregrinantium).* RHCoc., t. III. Paris, 1866. Автор этой хроники вначале сопровождал отряд Роберта Нормандского, а затем, с 1097 г., участвовал в действительных крестоносцев Балдуина Булонского в Киликии; в качестве капеллана последнего находился в 1098 г. в Эдессе и поэтому не присутствовал при взятии главным войском ни Антиохии, ни Иерусалима; когда Балдуин занял трон Иерусалимского королевства (после смерти Готфрида Бульонского в 1100 г.), он переселился в Иерусалим, где занимал высокие должности при дворах двух первых королей и фактически являлся официальным историографом Латинско-Иерусалимского королевства, в котором прожил почти 30 лет. См. о нем и его хронике: H. Hagenmeyer. *Fulcherii Carnotensis. Historia Hierosolymitana.* Heidelberg, 1913, Einleitung; D. C. Mingo. *A Crusader.* «*Speculum*», vol. VII, № 3, 1932, p. 324—335. Большая часть этого исследования американского историка (оно полностью лишено научного аппарата) посвящена доказательству набожности Фульшера (см. особенно стр. 327 и сл.).

⁵ Далее цит. по изд.: *Gualterii Cancellarii Bella Antiochena*, ed. H. Prutz. *Quellenbeiträge zur Geschichte der Kreuzzüge.* Danzig, 1876, p. 1—55. Автор был канцлером Рожера Антиохийского и участвовал в его двух походах против эмира Ильгази Халебского (во время первого он попал к нему в плен).

⁶ См. подробней: H. Prutz. *Op. cit.*, p. XVII.

Кроме того, история Первого крестового похода не раз освещалась в других специально посвященных этой теме летописях XII в., авторы которых, однако, только в незначительной степени основывались на собственных наблюдениях (и в этом случае нередко приводили оригинальные и свежие данные), в остальном же использовали готовые образцы, главным образом «Деяния франков» Анонима и «Историю» Фульшера Шартрского, компилятивно перерабатывая их и кое-где включая дополнительные материалы, почерпнутые из устных рассказов очевидцев, писем и иных документов. Таковы: хроника участника похода, пуатевинского клирика Пьера Тудебода из Сиврей — «История Иерусалимского похода» (написана преимущественно по «Деяниям франков» Анонима в период между 1101 и 1111 гг.⁷); «Иерусалимская история» епископа Бодри Дольского (около 1047 г. — 1130 г.) из Бретани (время ее составления 1108—1110 гг.)⁸; знаменитая «История, называемая Деяния бога через франков» аббата Гвиберта Ножанского (1053—1124 гг.) (написана около 1109 г.)⁹; «Иерусалимская история» реймского монаха Роберта (? — около 1122 г.) (написана им по поручению аббата Бернара из обители Мармутье около 1107 г. либо между 1112 и 1118 гг.): это первая полная история похода 1096—1099 гг. (от Клермонского собора до 1099 г.)¹⁰; «Иерусалимец, или книга об угнетении, освобождении и восстановлении святой Иерусалимской церкви» немецкого аббата Эккехарда Аврейского (?—1130 г.) (написана им по возвращении из Палестины, где он пробыл полтора месяца в 1101 г., на основе хроники Анонима, а отчасти — по личным впечатлениям и рассказам очевидцев)¹¹; «Деяния Танкреда» нормандского рыцаря Радульфа (Рауля) из Каэна (около 1050—1130 гг.) (написаны на основе личного дневника, рассказов Танкреда и других лиц)¹².

⁷ Далее цит. по изд.: Petri Tudebodi seu Tudebovi sacerdotis Sivracensis Historia de Hierosolymitano itinere. RHCoc., t. III. Paris, 1866. См. о нем и его хронике: C. Pollok. Questionum de quatuor primi belli sacri historiis quae sub Tudebodi nomine comprehenduntur, pars I. Wratislaw, 1872.

⁸ Далее цит. по изд.: Baldrici episcopi Dolensis Historia Jerosolimitana. RHCoc., t. IV. Paris, 1879. См. о нем и его хронике: Ch. Thurot. Études critiques sur les historiens de la première croisade. Baudri de Bourgueil. «Revue historique», t. I, fasc. 2, 1876, p. 372—386.

⁹ Далее цит. по изд.: Guiberti abbatis monasterii Sanctae Mariae Novigenti Historia qui dicitur Gesta Dei per Francos. RHCoc., t. IV. Paris, 1879. См. о нем и его сочинениях: В. Монод. Le moine Guibert et son temps. Paris, 1896; L. Boehm. Studien zur Geschichtsschreibung des ersten Kreuzzuges. Guibert von Nogent. Diss. München, 1954 (нам не доступно).

¹⁰ Далее цит. по изд.: Roberti Monachi Historia Iherosolimitana. RHCoc., t. III. Paris, 1866. См. о нем и его хронике: G. Marquardt. Die Historia Hierosolimitana des Robertus Monachus. Ein quellenkritischer Beitrag zur Geschichte des ersten Kreuzzuges, Diss. Königsberg, 1892; A. Molinier. Op. cit., t. I, № 2118, p. 282, а также: F. Kraft. Heinrich Steinhöwels Verdeutschung der Historia Hierosolymitana des Robertus Monachus. Eine literarhistorische Untersuchung. Düsseldorf, 1905. Эта работа отсутствует у Майера (H. E. Mayer Bibliographie zur Geschichte der Kreuzzüge. Hannover, 1960, № 1150).

¹¹ Далее цит. по изд.: Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymitanae seu libellus de oppressione, liberatione ac restauratione sanctae Hierosolymitanae ecclesiae. Ed. H. Hagenmeyer. Tübingen, 1877. См. об авторе и его хронике: H. Hagenmeyer. Op. cit., Einleitung, S. 1—38.

¹² Далее цит. по изд.: Radulphi Cadomensis Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana. RHCoc., t. III. Paris, 1866. Автор этой хроники непосредственно в иерусалимской экспедиции не участвовал. Он был свидетелем и очевидцем сражений племянника (двоюродного брата?) Боэмунда — итало-нормандского авантюриста Танкреда в Палестине, куда отправился после неудачной войны Боэмунда Тарентского с Византией в 1107 г., и писал свою хронику в Иерусалиме после смерти Танкреда (между 1112 и 1118 гг.). См. об авторе и его хронике: L. Boehm. Die Gesta Tancredi des Radulph von Caen. «Historisches Jahrbuch», Bd. 75, 1956, S. 47—72; H. Glaesener. Raoul de Caen, historien et écrivain. «Revue d'histoire ecclési-

К этой же категории нарративных источников по истории Первого крестового похода, в основном носящих компилятивный характер, могут быть отнесены: «Иерусалимская история» лотарингского каноника Альберта Аахенского (написана между 1120 и 1158 гг.)¹³ и в данной своей части покоящаяся преимущественно на этой хронике, но гораздо более поздняя по времени написания «История деяний в заморских землях» архиепископа Гийома Тирского (около 1130—1186 гг.)¹⁴ (создана между 1169 и 1184 гг.)¹⁵. Этот труд, впрочем, имеет гораздо более широкое зна-

stique». Louvain, 1951, t. 46, № 1—2, p. 5—24; R. Manselli. Raoul di Caen nella cultura del secolo XII. «Rendiconti delle sedute dell'Accademia Nazionale dei Lincei, classe di scienze morali, storiche e filologiche», serie 8, vol. 10, 1955, p. 447 sg.

¹³ Далее цит. по изд.: Alberti Aquisanis Historia Hierosolymitana. RHCoc., t. IV. Paris, 1879. Произведение Альберта Аахенского содержит, наряду с довольно точными и оригинальными сведениями, массу недостоверных, полулегендарных известий, почерпнутых, вероятно, у пилигримов, купцов, сказителей, возвращавшихся из Палестины и проходивших через Аахен. Именно поэтому хроника Альберта, прежде всего проблема ее достоверности, являлась объектом длительных споров исследователей, которые, как нам представляется, так и не привели к окончательному решению ряда вопросов. Дискуссия эта начиная еще с 40-х годов XIX в. породила большое число специальных исследований. См. H. S y b e l. Geschichte des ersten Kreuzzuges. Düsseldorf, 1841, S. 62—107; F. K r e b s. Zur Kritik Alberts von Aachen. Münster, 1881; B. K u g l e r. Albert von Aachen. Stuttgart, 1885; F. K ü h n. Zur Kritik Alberts von Aachen. «Neues Archiv der Gesellschaft für deutsche Geschichtskunde», Bd. 12, 1887; B. K u g l e r. Analecten zur Kritik Alberts von Aachen. Tübingen, 1888; F. V e r k r u i s s e. Essai critique sur la chronique d'Albert d'Aix. «Annales de la faculté de philosophie et lettres de l'université libre de Bruxelles», t. I. Bruxelles, 1889; T. W o l f f. Die Bauernkreuzzüge des Jahres 1096. Tübingen, 1891; K. P a r t i s c h. Über die Glaubwürdigkeit der Historia Hierosolymitana des Albertus Aquisanis, Th. 1—3. Arnau, 1903—1908; Th. 4. Wien, 1909; A. B e a u m o n t. Albert of Aachen and the County of Edessa. The Crusades and other Historical Essays Presented to D. C. Munro. New York, 1928.

¹⁴ До последнего времени датой смерти этого историка считался 1185 г. Недавно западногерманский исследователь Г. Майер документально установил, что Гийом Тирский умер осенью 1186 г. См. H. E. M a y e r. Zum Tode Wilhelms von Tyrus. «Archiv für Diplomatik», 5/6, 1959/1960, S. 182—201, а также аннотация автора в «Deutsches Archiv für Mittelalter», Köln—Graz, 1961, S. 300.

¹⁵ Далее цит. по изд.: W i l l e r m i T y r e n s i s. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. RHCoc., t. I. Paris, 1844. Сочинение Гийома Тирского, уроженца Палестины, проводящего здесь большую часть своей жизни, охватывает, помимо истории Первого крестового похода, события истории франкского Востока (включая и Второй крестовый поход) вплоть до 1184 г. Первые 15 книг Historiae rerum, в которых излагаются события до 1144 г., являются компиляцией, базирующейся главным образом на данных хроники Альберта Аахенского, отчасти — хроник Раймунда Агильерского, Фульшера Шартрского и Бодри Дольского, а также (для времени между 1127 и 1144 гг.) на сведениях, почерпнутых из бесед с людьми старшего поколения, равно как и из архивных документов. В последующей части своего произведения, рисующей события 1144—1184 гг., автор опирался на собственные воспоминания и впечатления, на свидетельства старших современников, а начиная особенно с 1162 г. (в этом году каноник Гийом Тирский вернулся на родину из Европы, где учился, по-видимому, в Италии) и в значительной мере на материалы архивов, к которым он имел доступ в силу занимаемого им высокого положения в церкви и государстве: в 1168 г. Гийом, посвященный в сан архидьякона, по поручению короля Амори I находился в дипломатическом вояже в Константинополе (вел переговоры с императором Мануилом о союзе против Египта), где прожил более полугода; с 1174 г. был канцлером и наставником юного короля Балдуина IV, с 1175 г. — архиепископом в Тире; в 1178 г. с делегацией церковных сановников был направлен на третий Латеранский собор (1179 г.) в Рим; дальнейшие сведения о его жизни противоречивы и неопределенны. Имеются основания предполагать, что после возвращения из Рима на родину (по пути Гийом выполнил дипломатическое поручение папы Александра III при Константинопольском дворе) архиепископ Тирский не принимал более активного участия в политической жизни Иерусалимского королевства и почти целиком посвятил себя завершению своего исторического труда. См. A. C. K r e u. William of Tyre, the Making of an Historian in the Middle Ages. «Speculum», v. XVI, № 2, 1941, april, p. 157—158. В этом исследовании американского историка предпринята удачная в целом попытка

чение, представляя собой первое в летописях сводное сочинение по истории крестовых походов и франкского Востока, охватывающее события почти за целое столетие (с 1095 по 1184 г.).

Бесславно закончившийся Второй крестовый поход (1147—1149 гг.) лучше всего рисуют: хроника «О походе Людовика VII, короля франков, на Восток», принадлежащая участнику похода, королевскому капеллану, монаху, а впоследствии аббату Сен-Дени — Одо Дейльскому (?—1162 гг.) (он излагает события начальной стадии похода — до прибытия войска Людовика VII в Антиохию весной 1148 г., так что сама война крестоносцев в Сирии не описывается)¹⁶, и обстоятельные документированные «Деяния императора Фридриха», автором которых является также участник похода, баварский епископ из Фрейзингена (близ Мюнхена), сводный брат Конрада III и дядя Фридриха Барбароссы — Оттон (около 1110—1158 гг.) (его повествование охватывает всю историю похода, вплоть до провала попыток крестоносцев овладеть Дамаском и пр., но автор излагает все события довольно сжато — в 34—44 и 58—60 главах своего труда)¹⁷.

Известия о Третьем крестовом походе (1189—1192 гг.), единственным успехом которого было отвоевание у «неверных» Акки (Акры) в 1191 г., сохранили многие французские, английские, немецкие и другие западноевропейские хроники. Важнейшие из них: а) большая стихотворная (12 352 стиха) «История священной войны» нормандского жонглера из Эврэ — Амбруаза, сопровождавшего Ричарда Львиное Сердце и по возвращении в Европу написавшего около 1195 г. свою поэму-хронике (на французском языке); в ней излагаются прежде всего события

выделить отдельные этапы работы Гийома Тирского над его историческим произведением, поставив их в связь с фактами его биографии. К сожалению, Крей лишь крайне бегло касается философских воззрений и политических взглядов Гийома Тирского, как они отразились в его «Истории» (см. р. 162—163). Литература о Гийоме Тирском (мы предпочитаем называть его именно «Гийом», а не «Вильгельм», как обычно принято, поскольку сам он считал себя французом: французский язык, что отмечал еще Ф. Лундгрин, историк определяет словами *lingua nostra*; см. F. Lundgreen. *Wilhelm von Tyrus und der Tempelorden*. Diss. Berlin, 1911, S. 43) весьма обширна: Н. Sybel. *Geschichte des ersten Kreuzzuges*, S. 108—142; P. Jaffe. *Das Verhältniß der Gesta Ludovici zu Wilhelm von Tyrus*. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1844; T. Arrighi. *Juglielmo di Tiro*. «Terre Sainte», № 2, 1878; В. Kugler. *Analekten zur Geschichte des zweiten Kreuzzugs*. Tübingen, 1878 (глава о Гийоме Тирском, где рассматривается вопрос об оригинальности его свидетельств относительно Второго крестового похода сравнительно с показаниями других хроник; автор доказывает, что Гийом Тирский черпал свои данные из того же источника, что и анонимный составитель *Gesta Ludovici VII*, см. р. 1—4); Н. Prutz. *Studien über Wilhelm von Tyrus*. «Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde», Bd. VIII. Hannover, 1882, S. 93—132; F. Lundgreen. *Op. cit.*; А. С. Креу. *Op. cit.*, р. 149—166; Н. Е. Мауер. *Zum Tode Wilhelms von Tyrus*. *Ed. cit.*

¹⁶ Далее цит. по изд.: *Odo of Deuil. De profectioe Ludovici VII in Orientem*. A dissertation. . . for the degree of doctor of philosophy by Virginia Gingerick Berry (The University of Chicago). Columbia University Press. New York, 1948 (далее — *Odo de Diogilo*). Основные сведения об авторе и его хронике собраны этой канадской исследовательницей в обстоятельном Введении к изданию (см. Introduction, р. XIII—XLIV).

¹⁷ Далее цит. по изд.: *Ottonis et Rahewini Gesta Friderici Imperatoris*, rec. G. Waitz. Hannoverae et Lipsiae, 1912, р. 1—161. См. об авторе и его произведениях: G. Waitz. *Ed. cit.*, Prefatio, р. VII—XXVI; P. Brezzi. *Ottone di Frisingia*. «Bulletino dell'Istituto storico italiano per il medio evo e archivio Muratoriano», t. 54, 1939; J. Spörl. *Die «Civitas Dei» im Geschichtsdenken Ottos von Freising*. «La Cuidad de Dios», I, 1954, а также в работах: В. В. Стоклицкая-Терешкова и ч. Западноевропейские хроники XII в. как источник для истории международных отношений. «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 113 сл.; Е. А. Косминский. *Историография средних веков*. М., 1963, стр. 23 сл.

крестового похода английского короля и его воинства в 1190—1192 гг.¹⁸; б) «Итинерарий паломников и деяния короля Ричарда», написанный каноником (с 1222 г. — деканом) лондонского собора святой Троицы и капелланом ордена тамплиеров — Ричардом¹⁹ (время написания — около 1199 г.)²⁰; в) принадлежащая немецкому участнику похода, клирику, близко стоявшему к Фридриху Барбароссе и его канцелярии, обильно насыщенная документами «История похода императора Фридриха»²¹, написанная на основе информационных письменных сообщений, с пути направлявшихся автором в Германию²² (это произведение часто по ошибочной традиции именуется также хроникой Ансберта)²³; г) близкая к ней

¹⁸ A m b r o i s. L'Estoire de la guerre sainte. К сожалению, нам оказалось недоступным издание французского подлинника этого произведения, опубликованного Гастоном Пари в 1897 г. Мы пользовались щедро комментированным английским переводом поэмы Амбруаза в изд.: M. J. H u b e r t and J. L. L a M o n t e. *The Crusade of Richard Lion-Heart* («Columbia University Records of Civilization. Sources and Studies», № XXXIV). New York, 1941.

¹⁹ Далее цит. по изд.: H. E. M a y e r. *Das Itinerarium peregrinorum. Eine zeitgenössische englische Chronik zum dritten Kreuzzug in ursprünglicher Gestalt*. Stuttgart, 1962, S. 245—357.

²⁰ Вопрос о взаимоотношениях поэмы-хроники Амбруаза и Ричардова «Итинерария» в свое время вызвал длительную полемику. У. Стэббс, первый издатель «Итинерария», полагал, что это произведение создано было на основе дневника, ведшегося в Палестине и частями послылавшегося в Англию (см. *Itinerarium peregrinorum*. . ., ed. W. Stubbs. London, 1864, Introduction, p. XXXIX), а опубликование его отослал ко времени вскоре после смерти Ричарда Львиное Сердце (ibid., p. LXIX). Г. Пари, издатель «Истории» Амбруаза, напротив, пришел к заключению, что «Итинерарий» является простым переводом поэмы нормандского жонглера латинской прозой, и, следовательно, именно эта поэма — оригинальный памятник. Только некоторые части ее, по мнению Пари, были заимствованы очевидцем событий Амбруазом из вторых рук (описание осады Акры). См. A m b r o i s. L'Estoire de la guerre sainte, ed. G. Paris. Paris, 1897, p. LX sq. Приводим по: A. M o l i n e r. *Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie* (1494), t. III. Paris, 1903, № 2332, p. 35; см. также M. J. H u b e r t and J. L. L a M o n t e. *The Crusade of Richard*. . ., Introduction, p. 4, 6 f. Эту точку зрения отвергла английская исследовательница Кэйт Норгэйт (см. K. N o r g a t e. *The Itinerarium peregrinorum and the Song of Ambrois*. «The English Historical Review», vol. XXV, 1910, p. 523—547). Установив путем сопоставления обоих текстов, что «Итинерарий» был написан раньше поэмы Амбруаза (Норгэйт датировала латинскую хронику 1199—1202 гг., а французскую поэму — 1203—1207 гг.), исследовательница признала приоритет «Итинерария»; она доказывала вместе с тем, что и каноник Ричард, и жонглер Амбруаз — оба были участниками похода и даже друзьями, находившимися в перепишке друг с другом. Новейшие исследователи вопроса — англичанин Дж. К. Эдвардс (см. J. C. E d w a r d s. *The Itinerarium regis Ricardi and the Estoire de la Guerre Sainte*. «Historical Essays in Honour of James Tait». Manchester, 1933, p. 59—77), а вслед за ним американцы М. Дж. Губер и Дж. Л. Ламонт (см. M. J. H u b e r t and J. L. L a M o n t e. *Op. cit.*, Introduction, p. 3, 10 и др.), отказавшись от воззрений своих предшественников, высказали взгляд, согласно которому авторы обоих произведений писали независимо друг от друга, но пользовались при этом общим источником. На этом основании Губер и Ламонт склонны были даже рассматривать «Итинерарий» и «Историю священной войны» как единое произведение (ibid., p. 22). К сожалению, нам недоступна диссертация американки D o r o t h y B o v e e. *The Sources of the Third Crusade*, s. a. (рукопись хранится в б-ке Университета Мйннесоты; см. M. J. H u b e r t and J. L. L a M o n t e. *Op. cit.*, p. 457; не учтена в «Библиографии» Майера). Майер в своем исследовании об «Итинерарии» пришел к заключению, что этот памятник (точнее — его вторая редакция) является переводом поэмы Амбруаза.

²¹ Далее цит. по изд.: *Historia de expeditione Friderici imperatoris*. Ed. A. Chroust. *Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaisers Friedrich I*. Berlin, 1928, S. 1—115.

²² Ibid., Einleitung, S. XLII, LXIV—LXV.

²³ Дело в том, что долгое время автором хроники считался австрийский клирик Ансберт. Изучивший рукописи хроники Антонин Хроуст показал, однако, что традиционное мнение об ее авторстве покоится на недоразумении: имя Ансберта действительно фигурирует в заглавии одной из рукописей XIII в. (Штраховского монастыря в Праге), но, как показывает палеографический анализ этого заголовка, он является позднейшей припиской к тексту, сделанной притом двумя лицами: аббатом монастыря Герлахом (1165—1224) и каким-то неизвестным писцом, добавившим к словам Гер-

по тексту анонимная «История пилигримов», написанная около 1194 г. неким салемиским монахом на материале этой так называемой хроники Ансберта²⁴ и свидетельств какого-то очевидца²⁵ (высказывалась гипотеза, что «История пилигримов» создана была с пропагандистской целью в цистерцианском монастыре в Нейбурге)²⁶; д) хроника участника похода, церковного декана из Пассау—Тагенона (?—1190 гг.) «Описание азиатского похода Фридриха»²⁷ — краткий, но довольно точный походный дневник (от 1189 до 21 июня 1190 г.)²⁸.

Существует также большое число других хроник и повествований на латинском и французском языках о событиях, относящихся к предыстории и истории Третьего крестового похода. Они написаны как авторами крестоносцами, так и представителями летописания франкского Востока. Укажем лишь некоторые из этих произведений. Это — анонимная, по-

лаха: «edita a quodam Austriense clerico» слова «nomine Ansberti» (A. Chroust. Op. cit., Einleitung, S. XIV, а также XL—XLI). А. Д. Люблинская («Источниковедение средних веков». Л., 1955, стр. 119), следуя традиции, безоговорочно называет автором данной хроники Ансберта, полагая к тому же, что ему принадлежит весь текст произведения, включая изложение событий, происшедших уже после крестового похода (до 1196 г.). Между тем еще Хроуст выделил в хронике две части (первая освещает события собственно похода до гибели Фридриха I, вторая доводит изложение материала до начала 1197 г.), каждая из которых, как он убедительно доказал, должна была иметь своего автора (A. Chroust. Op. cit., Einleitung, loc. cit.). Текстологический разбор первой части позволил Хроусту заключить, что «История похода императора Фридриха» была составлена путем обработки дневниковых заметок, сделанных автором во время похода и тремя частями отправленных (в качестве информационного материала) на родину. После смерти Фридриха Барбароссы автор заметок, который, возможно, явился и гонцом, возвестившим Генриху VI гибель его отца (ibid., p. XL), подверг эти сообщения переработке, в частности снабдил их введением и заключением, а также дополнил известиями, заимствованными из других хроник (ibid., p. XLII). Впрочем, по мнению К. Zimmert («Die Entstehung der Historia de expeditione Friderici I Imperatoris des sogenannten Ansberts», Bd. XXI, 1900, S. 71 ff.), это произведение было создано в цельном виде уже во время самого похода.

²⁴ Далее цит. по изд.: Historia peregrinorum. Ed. A. Chroust. Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaisers Fridrich I, p. 117—172.

²⁵ Ibid., Einleitung, S. XCI.

²⁶ Ibid., p. LXXXV—LXXXVI.

²⁷ Tagenonis Descriptio expeditionis Asiaticae Friderici. MGH SS, t. XVII. Hannoverae, 1861, p. 509—523. Многочисленные текстальные совпадения в дневнике Тагенона с названными выше хрониками (Псевдо-Ансберта и «Историей пилигримов») давно уже обусловили многократные попытки определить взаимоотношения этих трех источников. В процессе текстологического анализа было установлено, в частности, что текст, изданный впервые в 1522 г. немецким гуманистом И. Авертином под видом подлинного дневника Тагенона, на самом деле представлял собою стилистическую обработку в гуманистическом духе произведения этого средневекового автора, сделанную самим издателем (см. M. Kaufmann. Das Tagebuch des Tageno. Kritische Untersuchung der Überlieferung einer Quelle zur Geschichte des Kreuzzuges Friedrich I. Würzburg, 1924). Было высказано предположение о том, что автор так называемой хроники Ансберта был лично знаком с Тагеноном и некоторые свои сведения черпал из его дневника (см. A. Chroust. Op. cit., Einleitung, S. LXIII) и т. п. Подробно полемику о Тагеноне см. также у: H. Steinacker. Zu Aventin und den Quellen des dritten Kreuzzuges. «Mitteilungen des österreichischen Instituts für Geschichtsforschung», Bd. XLI, Hf. 1 u. 2. Innsbruck, 1926, S. 159—184; A. Chroust. Tageno, Ansbert und die Historia peregrinorum. Drei kritische Untersuchungen zur Geschichte des Kreuzzuges Friedrich I. Graz, 1892, S. 12—47; K. Zimmert. Über einige Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaisers Friedrich I. «CXXXV Jahrbereichte des II. deutschen Staatsrealschule in Prag», 1907 (1908) (все эти исследования совершенно не учтены Майером в его «Библиографии»); см. также статью F. Guterbock. Il diario di Tageno e alte fonti della terza crociata. «Bullettino dell'Istituto storico per il medio evo...», t. 55, 1941.

²⁸ Автор сопровождал в походе епископа Дитпольда Пассауского [А. Люблинская (указ. соч., стр. 119) неточно называет его епископом «Нассауским»] и умер незадолго до смерти последнего (ее дата — 3 ноября 1190 г.).

явно принадлежащая какому-то образованному теологу с франкского Востока «Книга о завоевании святой земли» — незавершенное произведение, в котором излагается история войн Иерусалимского королевства с Саладином — до завоевания им Иерусалима в 1187 г.²⁹ (возможно, что Аноним черпал свои сведения из того же источника, которым пользовался лондонский каноник Ричард, автор «Итинерария») ³⁰; «Повесть о морском походе в святую землю» неизвестного немецкого или фламандского клирика, участника описываемых событий (рисует путь флота немецких крестоносцев в апреле—октябре 1189 г. от Бремена до Марселя) ³¹; произведение бывшего флорентинского монаха, сделавшего го-ловокружительную церковную карьеру в Иерусалимском королевстве, — Эймара (?—1202 гг.) ³², посреди служебных дел написавшего хронику о взятии Акры ³³; антифранцузский «Роман о Ричарде Львиное Сердце» (написан около 1230 г. по «Итинерарию» и поэме Амбруаза) ³⁴; составленное около 1194 г. латинское «Продолжение Гийома Тирского» ³⁵ и другие.

Особо следует выделить так называемую «Историю императора Ирандия», иначе именуемую также «Книгой завоевания и утраты святой земли» или «Историей заморской земли» и в целом представляющую собой продолженный французский перевод хроники Гийома Тирского ³⁶.

²⁹ Далее цит. по изд.: Anonymi Chronicon Terrae Sanctae seu Libellus de expugnatione. Ed. H. Prutz. Quellenbeiträge zur Geschichte der Kreuzzüge, p. 63—99.

³⁰ См. H. Prutz. Op. cit., p. XXXX. Как показал этот исследователь, в своей начальной части, описывающей поражение крестоносцев при Хиттине, хроника по-коится на устных сообщениях очевидцев, в частности участника событий, принадлежавшего к окружению графа Раймунда III Триполийского (см. p. XXIX—XXX, XXXVII), а в остальной, рисующей взятие Иерусалима Саладином, является переработкой известий другого крестоносца, принимавшего участие в битве за Иерусалим (ibid., p. XXVIII). Проконтролировав материал хроники показаниями ряда западных и восточных источников, Пруц пришел к выводу о высокой степени достоверности Libelli de expugnatione Terrae Sanctae (ibid., p. XXXI). Он отверг мнение У. Стэббса, считавшего автором хроники английского летописца из Эссекса Радульфа де Коггесхэйль (ibid., p. XXIV sq.), и высказал кажущееся нам правдоподобным предположение, что хроника эта является произведением некоего франкского теолога, который предпочел было предварительную обработку имевшегося в его распоряжении материала с целью написать затем пропагандистское сочинение, содержащее призыв к новому крестовому походу, однако задача, поставленная им, не была выполнена до конца, и произведение осталось незавершенным (ibid., p. XXXVII).

³¹ Далее цит. по изд.: Narratio itineris navalis ad Terram Sanctam. Ed. A. Chroust. Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaisers Friedrich I, S. 179—196.

³² Поднимаясь по ступенькам церковной иерархии, Эймар, вначале каноник флорентийского собора Сан-Джованни, затем каноник в Акре и церкви святого гроба в Иерусалиме, в 1180 г. занял должность архиепископа в Кесарии, а с 1194 г. стал патриархом Иерусалимским.

³³ H a y m a r u s. De Expugnando Accone liber tetrastichus. Ed. P. Riant. Paris, 1865. Кроме этого сочинения, Эймар в своем Narratio patriarchae, иначе — De viribus Agarenotum, дал обзор положения в мусульманском мире в конце XII в. Этот своего рода политико-географический трактат был написан в качестве донесения высокопоставленного прелата Палестины папе Иннокентию III (по просьбе последнего).

³⁴ Le Roman de Richard Coeur de Lion. Ed. G. Paris. «Romania», t. XXVI, p. 353—393.

³⁵ Continuatio Guilelmi Tyrii, ed. M. Salloh. Greifswald, 1934. В результате позднейших добавлений это произведение в его настоящем виде охватывает события за время от 1192 до 1220 г. Возможно, автор его пользовался тем же источником, который лежал в основе «Итинерария» лондонского каноника Ричарда. Cp. C. Cahen. La Syrie du Nord à l'époque des croisades. . . , p. 18—19.

³⁶ Далее цит. по изд.: L'Estoire d'Eracle empereur et la conquete de la Terre d'Outremer. RHCoc., t. II. Paris, 1859. Рукописи, содержащие разные варианты этого произведения (их более 70), отличаются друг от друга, в частности, и своими хронологическими рамками: одни излагают события до 1228 г., другие — до 1231 г., третьи — до 1248 г., четвертые — до 1261 г. (так называемая «Ротелинская рукопись»), пятые — до 1266, 1275 или 1277 гг., а самый обширный вариант охватывает всю эпоху крестовых

Четвертый крестовый поход (1199—1204 гг.), приведший к завоеванию французско-итальянским рыцарством Константинополя и образованию Латинской империи, был описан в различных мемуарах и хрониках. Самые полные, содержательные и надежные из них принадлежат двум феодалам, участникам и очевидцам этого разбойничьего предприятия, и одному клирику, писавшему со слов участника похода. Это — записки видного предводителя крестоносцев маршала Шампанского Жоффрау Виллардуэна (около 1150—1213 гг.)³⁷ «Завоевание Константинополя»³⁸, продиктованные им в конце жизни (после 1207 г.) на французском языке и, как полагал еще К. Климке, имевшие своей основой дневниковые заметки, более или менее систематически ведшиеся автором с 1201 г.³⁹; это, далее, написанные также по-французски (на пикардийском диалекте) мемуары амьенского рыцаря Робера де Клари (около 1170—

походов (до падения Акры в 1291 г.). Многократно предпринимавшийся исследователями анализ рукописного материала показал, что так называемая «История Ираклия» является компиляцией, основная, начальная часть которой есть не что иное, как французский перевод хроники Гийома Тирского. Перевод этот, как предполагал К. Каэн, был выполнен в начале XIII в. во Франции, а затем обрстал дополнениями (продолжениями), сделанными частью на Западе, частью — на французском Востоке (см. С. Сажен. *Op. cit.*, p. 20—21). В качестве одного из наиболее ранних продолжений Гийома Тирского, вошедших позднее в «Книгу завоевания», было включено сочинение некоего Эрнуля, сирийского франка, оруженосца барона Бальяну д'Ибелин (имя этого автора — Эрнуля — открыл Л. Мас-Латри; см. La Chronique d'Ernoult et de Bernard le Tresorier. Ed. L. Mas-Latrie. Paris, 1871; idem. *Essai de classification de continuateurs de l'histoire des croisades de Guillaume de Tyr.* «Bibliothèque de l'École des Chartes», t. XXI, 1860). Работая в замке своего сеньора — Лакемон, близ Акры, великодушно возвращенном Саладином барону Бальяну д'Ибелин после взятия Иерусалима в 1187 г. (P. Paris. *Guillaume de Tyr et ses continuateurs*, t. I. Paris, 1879, Préface, p. VII), Эрнуль описывал события и Третьего и Четвертого крестовых походов. В свою очередь произведение Эрнуля, подтвергнув его обработке (сокращению), дополнил французский монах, казначей Корвейского аббатства, по имени Бернар, доведший изложение материала до 1228 или 1231 г. До открытия Мас-Латри этот вариант «Продолжения Гийома Тирского» целиком приписывался Бернару Казначею, который на деле в лучшем случае являлся издателем продолженной им хроники Эрнуля. По предположению издателя «Продолжателей Гийома Тирского» Полэна Пари, именно Бернар Казначей был и переводчиком на французский язык произведения Гийома Тирского (P. Paris. *Op. cit.*, p. XIII). В XIV—XV вв. L'Estoire d'Eracle много раз переписывалась под самыми различными названиями. Часто кописцы называли эту хронику просто Roman d'Eracle. Подробный разбор проблем, относящихся к генезису хроник, составляющих L'Estoire d'Eracle (это название, в конце концов, чисто условное: оно было закреплено за «Продолжением Гийома Тирского» по той причине, что первая фраза его, гласившая: «Les anciennes estoires dient que Eracle, qui fut moult bons crestiens, gouverna l'empire de Rome» и т. д., содержала в себе упоминание имени этого византийского василевса), см., помимо указанных здесь работ, в исследованиях: P. Riant. *Inventaire sommaire des manuscrits de l'Eracles.* «Archive de l'Orient latin», t. I, 1881; F. Ost. *Die altfranzösische Übersetzung der Geschichte der Kreuzzüge Wilhelms von Tyrus.* Diss. Halle, 1899; P. Riche. *Beiträge zur Historiographie in den Kreuzfahrerstaaten.* «Mitteilungen des Instituts für österreichischen Geschichtsforschung», Bd. XIII—XV, 1892—1894.

³⁷ См. о его жизни и военно-дипломатической деятельности: J. Longnon. *Recherches sur la vie de Geoffroi de Villehardouin.* «Bibliothèque de l'École des Hautes Études. Section filologique et historique», t. 276. Paris, 1939.

³⁸ Далее цит. по изд.: Geoffroi Ville-Hardouin. *La Conquête de Constantinople.* Paris, 1882 (ed. N. de Wailly). О других изданиях, а также о литературе, посвященной запискам Виллардуэна, см. Н. Е. Мауер. *Bibliographie*, № 1026. Одно из лучших среди множества сочинений о Виллардуэне и его записках — исследование Борислава Примова: «Жоффрао дьо Виллардуэн, четвертый крестоносен поход и България». «Годишник на Софийския университет», истор.-филол. фак-т, т. XIV, кн. 2. София, 1949. Кстати, эта работа, так же как и обстоятельно комментированный болгарский перевод труда Виллардуэна В. Николаевым («Хрониката на Жоффрао дьо Виллардуэн. Завладяването на Цариград». София, 1947) остались неизвестны Майеру.

³⁹ С. Климке. *Die Quellen zur Geschichte des Vierten Kreuzzuges.* Breslau, 1875, S. 3 ff.

после 1216 г.) — «О тех, кто завоевал Константинополь»; известные также под названием «Завоевание Константинополя»⁴⁰, они составлялись, по-видимому, в течение многих лет (во всяком случае уже по возвращении автора на родину, последовавшем вскоре после битвы при Адрианополе в 1205 г.) и излагали события до 1216 г. — дата, на которой обрываются и мемуары Робера де Клари и вместе с тем исчезают всякие сведения о нем самом; это, наконец, хроника эльзасского монаха Гунтера из Пэрис (середина XII в. — около 1210 г.) — «Константинопольская история»⁴¹, написанная им в 1207—1208 гг. в основном по рассказам вернувшегося из Константинополя пэрисского аббата Мартина (но использована также переписка Иннокентия III и другие источники).

Кроме того, о событиях Четвертого крестового похода более кратко и фрагментарно повествуют другие западные очевидцы или просто современники, писавшие с их слов, прежде всего — церковники, собравшие в результате ограбления Константинополя обильную «жатву» — всевозможные реликвии, благочестиво похищенные войнами христовыми в храмах византийской столицы. Назовем «Паломничество в Грецию» безвестного немецкого монаха из Гальберштадта⁴² (хроника, написанная им в 1208 г. по воспоминаниям или отрывкам из дневника епископа Гальберштадского Конрада фон Крозиг, непосредственно участвовавшего в походе); «Константинопольское опустошение» — также безвестного автора⁴³, судя по некоторым данным, принадлежавшего к окружению главного вождя похода Бонифация Монферратского; «О взятии и ограблении Константинополя латинянами» — краткое повествование, написанное епископом Ричардом Амьенским (?—1211 гг.) по рассказу своего каноника Валона, доставившего по возвращении из похода реликвии в родной город⁴⁴; столь же лаконичная хроника, написанная около 1205 г. неизвестным клириком (или каноником) Суассонской церкви в качестве введения к составленной им описи святынь, привезенных из Константинополя⁴⁵, — «О земле

⁴⁰ Далее цит. по изд.: Robert de Clari. La Conquête de Constantinople. Ed. Ph. Lauer. Paris, 1924. См. об авторе и его мемуарах: A. Rambaud. Robert de Clari, guerrier et historien de la quatrième croisade. Caen, 1872; C. Klimek. Op. cit., S. 7 ff.; K. Nyrop. Zu Robert de Clari. «Zeitschrift für romanische Philologie», III, 1879, p. 97—98; G. Boudon. Robert de Clari en Amienois, chevalier, auteur d'une chronique de la IV^e croisade. «Bulletin de la Société des Antiquaires de Picardie», XIX, 1895—1897, p. 372—379; F. Chambron. Un historien peu connu de la quatrième croisade: Robert de Clari. «Bulletin historique et scientifique de l'Auvergne», 1897, p. 264—277; E. Wanner. Robert de Clari, ein altfranzösischer Chronist des IV-ten Kreuzzuges. Diss. Zürich, 1901; G. H. Quignon. Un historien picard de la Quatrième croisade, Robert de Clari. Cayeux-sur-Mer, 1908 («Collection des Rosati Picard d'Amiens», t. XXIX); Ph. Lauer. Ed. cit., Introduction, p. V—XI; A. Paurhilet. Sur Robert de Clari. «Romania», t. LVII, № 227. Paris, 1931, p. 289—311. В перечне у Майера (Bibliographie. . . , № 1151) — упущения и неточности.

⁴¹ Далее цит. по изд.: Guntheri Parisiensis Historia Constantinopolitana. Ed. P. Riant. Exuviae sacrae Constantinopolitanae, t. I. Genevae, 1877, p. 57—126. Подробно об авторе и его хронике см.: E. Assmann. Gunter von Paris. Die Geschichte der Eroberung von Konstantinopel. Köln—Graz, 1956, Einleitung.

⁴² Далее цит. по изд.: Anonymi Halberstadenensis De peregrinatione in Greciam et adventu reliquiarum de Grecia libellus. Ed. P. Riant. Exuviae sacrae. . . , t. I, p. 10—21.

⁴³ Далее цит. по изд.: Devastatio Constantinopolitana. Ed. Ch. Hopf. Chroniques greco-romanes. Berlin, 1873, p. 86—92. См. об этой хронике: M. Kandel. Quelques observations sur la Devastatio Constantinopolitana. Byz., t. IV, 1929, p. 179—188.

⁴⁴ Ricardi de Gerboredi episcopi Ambianensis Historia Constantinopolitana, et quo modo Walô caput S. Johannis Baptistae invenit et ad Ambianum deportavit. Ed. P. Riant. Exuviae sacrae. . . , t. I, p. 35—44; см. об этом авторе там же, Préface, p. LXIII—LXVII. Не учтена в «Библиографии» Майера.

⁴⁵ Anonymi Suesionensis De Terra Iherosolymitana et quomodo ab urbe Constantinopolitana ad hanc ecclesiam allata sunt reliquiae. Ed. P. Riant. Exuviae sacrae. . . , t. I, p. 3—9; см. Préface, p. LIII—LV.

Иерусалимской и каким образом были доставлены реликвии из города Константинополя в эту церковь»⁴⁶, и ряд других хроник, в том числе более поздние венецианские хроники Мартина да Канале (?—после 1274 г.)⁴⁷ и Андреа Дандоло⁴⁸.

Нашли своих летописцев и последние крестовые походы. История Пятого похода (1217—1221 гг.), завершившегося изгнанием крестоносного воинства из Египта, была рассказана в двух крупных произведениях и большом числе сравнительно мелких хроник. Крупные повествования — это «Восточная, или Иерусалимская история» Жака Витрийского (1180—1240 гг.)⁴⁹, французского кюрэ из Аржантейля, ненавидявшего альбигойцев, ставшего в 1216 г. епископом Акры и лично участвовавшего в Пятом крестовом походе⁵⁰, а также произведения видного адепта крестовых походов, проповедовавшего их в 1215 и 1224 гг.⁵¹, жившего в 1216—1221 гг. на Востоке, падерборнского каноника и церковного проповедника в Кельне, с 1233 г. — епископа в Падерборне, а с 1236 г. — кардинал-епископа Сабинь — Оливера Схоластика: «Дамиеттская история» и «История королей святой земли» (первая представляет собой сведенные воедино письма автора; частично они были использованы и Жаком Витрийским в третьей части его «Восточной истории»; вторая, написанная во время осады Дамиетты в начале 1219 г., излагает историю Иерусалимского королевства до 1213 г.)⁵².

Остальные хроники Пятого похода — это сравнительно небольшие рассказы его участников: «О походе фризов» неизвестного автора, анонимные же «Деяния рейнских крестоносцев» и три близких друг к другу по тексту, основанных на дневниковых записях, сделанных во время осады Дамиетты, повествования об этой военной кампании: «Деяния во время осады Дамиетты» Анонима, «О короле Жане Иерусалимском (1218—1220)» итальянского клирика Иоанна из Тульби и «Книга доподлинной христианской войны при осаде Дамиетты (1218—1220)» — также безвестного повествователя⁵³.

⁴⁶ П. Риап отмечает сходство повествования суассонца с тем, которое дает Гунтер Парисский (см. *op. cit.*, Préface, p. LIV—LV).

⁴⁷ Далее цит. по изд.: La Chronique des veniciens de Maistre Martin da Canal. «Archivio storico italiano», t. VIII, 1845, p. 269—706. Не учтена в «Библиографии» Майера.

⁴⁸ A n d r e a e D a n d o l i Chronica Venetiarum. Ed. L. A. Muratori. «Scriptores Rerum Italicarum», t. XII. См. H. Simonsfeld. Andreas Dandolo und seine Geschichtswerke. München, 1876.

⁴⁹ Далее цит. по изд.: J a c o b i d e V i t r i a c o Historia Orientalis seu Hierosolymitana, in: J. B o n g a r s. Gesta Dei per Francos. Hanoviae, 1611. Из трех книг этого произведения в издании Бонгара напечатаны первая, описывающая историю Сирии и Палестины до 1193 г. (главным образом на основе «Истории» Гийома Тирского) и характеризующая природные условия, народонаселение, хозяйство, обычаи, верования этих стран, и третья, содержащая историю франкского Востока в 1211—1216 гг. и рассказ о событиях Пятого крестового похода.

⁵⁰ См. о нем и его «Истории»: F. L. M a t z n e r. De Jacobi Vitriacensis crucis praedicatoris vita et rebus gestis. Diss. Münster, 1863; G. Z a c h n e r. Die Historia Orientalis des Jakob von Vitry. Diss. Königsberg, 1885; R. R ö h r i c h t. Il vescovo Giacomo da Vitriaco a Milano nel 1216. «Archivio storico lombardo», t. 20, 1893; P. F u n k. Jakob von Vitry. Leben und Werke. Leipzig, 1909.

⁵¹ См. анализ его крестоносных проповедей: R. R ö h r i c h t. Die Kreuzpredigten gegen den Islam. «Zeitschrift für Kirchengeschichte», Bd. VI. 1883, S. 565—572 (не учтено у Майера. См. Bibliographie. . . , № 1056).

⁵² O l i v e r i S c h o l a s t i c i Historia Damiatina: Historia regum Terrae Sanctae. Ed. H. Hoogweg. Die Schriften des Kölner Domscholasters, späteren Bischof von Paderborn und Kardinalbischof von S. Sabina Oliverius. Tübingen, 1894. Анализ обоих произведений см. там же, p. CXL—CLXXIX, LXXXIX—CXXXIX.

⁵³ De itinere Frisonum; Gesta crucigerorum Rhenanorum; Gesta obsidionis Damiatinae; Johannis de Tulbia De domino Johanne, rege Jerusalem (1218—1220); Liber duelli christiani in obsidione Damiatinae exacti (1218—1220). Все эти хроники

О заключительных эпизодах крестоносной эпопеи рассказывается в меньшем числе специальных хроник, чем о предшествующих. Более всего насыщены сведениями жизнеописания Людовика IX, возглавлявшего неудачные Седьмой (1248—1254 гг. — в Египет) и Восьмой (1270 г. — в Тунис) крестовые походы, особенно «История Людовика Святого» его придворного историографа Жана сира де Жуанвилль (1224—1318)⁵⁴, принимавшего непосредственное участие в Седьмом крестовом походе и разделявшего вместе со своим государем тяготы мусульманского плена.

Таковы важнейшие произведения западноевропейских и франко-сирийских авторов XI—XIII вв., описывающие события крестоносного движения.

2. Мнимые и действительные цели написания хронистами истории крестоносных предприятий

Как видно из приведенного перечня, хронисты, первыми проявившие живой интерес к крестовым походам западного рыцарства на Восток и постаравшиеся со всей доступной им полнотой изложить их историю, были, за немногими исключениями, *ц е р к о в н и к а м и*. Они являлись не только религиозными людьми, но и занимали определенное, часто довольно высокое положение в церковной иерархии. И в силу своих убеждений, и по долгу служителей «невесты Христовой» все эти монахи, каноники, священники, аббаты, епископы не могли, конечно, изображать события, происходившие у них на глазах или даже при их непосредственном участии, иначе как преимущественно под специфически церковным углом зрения. Правда, среди историков крестовых походов встречаются и светские авторы, главным образом феодалы разного ранга и положения и изредка — горожане (к примеру, Каффаро ди Каскифелоне из Генуи). Однако следует иметь в виду, что в понимании крестовых походов их современниками не было принципиальной, существенной разницы между хронистами (историками), облеченными церковным саном, и светскими авторами. Люди своего времени, рыцари и горожане, писавшие о крестовых походах, всецело разделяли взгляды церковников на эти войны. Всем хронистам, историкам, мемуаристам XI—XIII вв., описывавшим крестоносные предприятия, — идет ли речь об *и с т о л к о в а н и и* ими темы в целом или об объяснении отдельных событий — свойственны были специфические атрибуты исторической ограниченности, присущие средневековой церковно-феодалной историографии⁵⁵.

Ограниченность эта, определявшаяся классовой принадлежностью и социально обусловленными общими воззрениями хронистов, в значительной мере усугублялась к тому же различными субъективными факторами, прежде всего *н а м е р е н и я м и*, которыми руководствовались сами исто-

изданы и прокомментированы в собрании: R. R ö h r i c h t. *Quinti belli sacri scriptores minores*. Paris, 1879, p. X—XVI, XVII—XXIX. Эта первоклассная работа осталась неизвестной Майеру и не была включена в его «Библиографию».

⁵⁴ Далее цит. по изд.: *Mémoires de Jean sire de Joinville ou Histoire et Chronique du très-chrétien roi Saint Louis*. Ed. F. Michel. Paris, 1859.

⁵⁵ К хроникам крестовых походов целиком применимо с этой точки зрения принятое в советской медиевистике положение о единстве мировоззрения средневековых историков, имевшего «в своей основе философию истории Августина и методологию патристической богословско-исторической литературы». В этом единстве нашла свое выражение «классовая однородность средневековой историографии». См. О. Л. В а й н ш т е й н. Некоторые черты средневековой историографии. СВ, вып. 25, 1964, стр. 258.

рики крестовых походов, описывая последние, и теми целями, которые они преследовали, создавая свои произведения.

Хронисты не были лишь регистраторами исторических событий, вносящими в свои летописи известные им факты с абсолютным беспристрастием, без каких-либо сторонних умыслов. Поэтический образ такого, до конца объективного монаха-летописца, который стремится только к тому, чтобы правдиво фиксировать совершающееся вокруг него, менее всего соответствовал бы реальной действительности XI—XIII вв., если иметь в виду любого из католических хронистов крестовых походов. При ближайшем рассмотрении оказывается, что все они, даже если иные из них внешне и отгораживались от мира в своих монашеских кельях (а ведь многие хронисты отнюдь не были такими и находились в самой гуще описываемых событий), всегда имели перед собой определенные практически-пропагандистские, говоря современным языком, цели. Важнейшими из них являлись всемерное возвеличение «священных войн» и прославление их вождей и рядовых участников в качестве образца для подражания, а также восхваление церкви, главной вдохновительницы этих войн.

Наличие такого рода пропагандистских целей у хронистов крестовых походов может быть установлено не только путем анализа объективного содержания хроник и выявления тенденций, их пронизывающих (то и другое не входит в задачи данной статьи). Этот факт засвидетельствован в известной степени и непосредственно признаниями самих хронистов.

Признания эти встречаются, однако, не слишком часто: хронисты предпочитали уверять свою аудиторию, что их цель состоит лишь в том, чтобы правдиво, точно и объективно поведать потомкам о совершившемся, и притом сделать это просто ради увековечения событий, без каких бы то ни было побочных намерений. В подобных уверениях нет недостатка ни в произведениях очевидцев крестовых походов, ни тех, кто писал на основе изложенного очевидцами ранее; такими уверениями заполнены и сочинения летописцев ранних и поздних крестоносных предприятий. Все они изъявляют притязания на то, чтобы быть прочитанными и услышанными в качестве носителей объективной истины и «чистого знания».

«Прошу и умоляю, всех кто услышит то, о чем пишу, верить, что это было именно так»⁵⁶, — обращается Раймунд Агилберский к будущим *слушателям* своей «Истории». Он заранее готов навлечь всяческие проклятия на свою голову, если обнаружится, что сообщаемое им не соответствует действительности или продиктовано какими-либо иными мотивами, нежели бескорыстное стремление к истине: «Если я сообщил что-либо, кроме того, что видел или чему верил (sic! — М. З.), или если я излагал что-либо *по пристрастию или по ненависти к кому бы то ни было* (здесь и далее курсив наш. — М. З.), пусть поразит меня господь всеми муками ада, (пусть) вычеркнет меня из книги жизни»⁵⁷. Хронист изо всех сил клянется и божится, что имел в виду только святую правду и ничего более.

Раймунд как бы заранее стремится отвести от себя подозрения в преднамеренной фальсификации фактов в угоду кому бы то ни было или против кого бы то ни было. В обоснование собственной искренности и правдивости он не находит никакого более веского довода, кроме как напомнить о своем духовном сане, который один уже обязывает своего носителя быть правдивым: «Ибо хотя я многого не ведаю, но знаю одно, что, будучи посвящен в сан во время похода по стезе господней, я *обязан скорее вы-*

⁵⁶ Raimundi de Aguilers Historia Francorum. . . , p. 275: Oro igitur et obsecro omnes qui haec audituri sunt, ut credant haec ita fuisse.

⁵⁷ Ibid., p. 275—276: Quod si quicquam ego praeter credita et visa studio vel odio alicuius apposui, apponat mihi Deus omnes plagas inferni, deleat me de libro vitae.

*казывать послушание богу, свидетельствуя истину, нежели желать чьих-либо даров, сплетая ложь»*⁵⁸.

Правдивость и объективность своего повествования выставляет перед читателем и Фульшер Шартрский: «Все это, — пишет он в начале своей хроники, подчеркивая, что был прямым свидетелем описываемых событий, — я, Фульшер Шартрский, отправившийся с остальными пилигримами, *тщательно и точно* собрал позже, *как я видел своими глазами*, чтобы передать памяти потомков»⁵⁹. Подобно своему провансальскому собрату по перу, Фульшер также декларирует недопустимость искажения исторической истины, тем более что речь идет о «божественных деяниях». Свою краткость при описании захвата Антиохии крестоносцами в 1098 г. он прямо оправдывает тем, что *«в рассказе о божественном надо крайне остерегаться неправды, (а потому), чтобы не ошибиться в чем-либо, я многое изложу вкратце»*⁶⁰.

Точно так же Робер Монах закликает своих читателей (слушателей) с доверием относиться к написанному им: «И пусть ведают те, кто прочитает или услышит все это, что мы *не расскажем ничего нелепого, ничего вздорного, — ничего, кроме правды»*⁶¹. Предупреждая возможную критику и заблаговременно ограждая свой труд от нареканий, он по сути дела в оправдание своей недостаточной грамотности сам спешит закрыть щитом против тех, «вскормленных изучением классиков, кому не понравится это наше произведение». Чем же оно может не понравиться? Оказывается, якобы чрезвычайным правдолюбием автора, которое и заставило его выражаться тяжелым стилем: «Тому, кому наш труд придется не по вкусу, хотим заметить, что, употребляя тяжелый слог, мы зато им (т. е. этим слогом. — М. З.) *описывали более правдиво* (голую истину), (ибо) полагаем более заслуживающим одобрения простою речью освещать сокрытое, нежели, философствуя, затуманивать явное»⁶².

Спустя полвека Одо Дейльский, хроника которого проникнута поистине яростной ненавистью к Византии, тем не менее старается убедить читателя в том, что, говоря сплошь да рядом о коварстве греков, он следовал исключительно фактам: «Пусть никто не подумает, что я несправедливо преследую ненавистное племя и измышляю в ненависти к этим людям вещи, которых вовсе не видел»⁶³. Хронист подчеркивает якобы присущее ему, в отличие от других, стремление исследовать предмет полно и со всех сторон: «Тот, кто узнал (о событии) только часть, и судит односторонне, да и не может вынести верное суждение (тот), кто не изучит сполна причину»⁶⁴.

⁵⁸ Raimundi de Aguilers Historia Francorum... , p. 276: Etenim, licet ut plurima ignorem, hoc unum scio, quia quum promotus ad sacerdotium in itinere Dei sim, magis debeo obedire Deo testificando veritatem, quam in texendo mendacia alicuius muneris captare dispendia.

⁵⁹ Fulcherii Carnotensis Historia Iherosolymitana, p. 327: Quod ego Fulcherus Carnotensis, cum ceteris iens peregrinis, postea, sicut oculis meis perspexi, diligenter et sollicitè in memoriam posteris collegi.

⁶⁰ Ibid., p. 342: In rebus quidem Domini ne in aliquantis deviem, quia in eis mentiri valde cavendum est, multa breviabo.

⁶¹ Roberti Monachi Historia Iherosolimitana, p. 723: Et sciant qui haec legerint vel audierint quia nihil frivoli, nihil mendacii, nihil nugarum, nisi quod verum est enarrabimus.

⁶² Ibid., p. 721—722: Unde si cui academicis studiis innutrito displicet haec nostra editio, ob hoc forsitan quia pedestri sermone incedentes plus justo in ea rustificaverimus, notificare ei volumus quia apud nos probabilius est abscondita rusticando elucidare quam aperta philosophando obnubilare.

⁶³ Odo de Digoilo, p. 56: Nec me putet aliquis odiosum genus hominum persequi et odio eorum fingere quem non vidi.

⁶⁴ Ibid., p. 72: Ex parte iudicat qui rem novit ex parte, sed non potest facere rectum iudicium, qui causam ex integro non cognoscit.

Аналогичные уверения в правдивости, в том, что ими руководило исключительно желание излагать истину в неприкрашенном виде, встречаются и во многих других хрониках крестовых походов. Одни авторы, как, например, Гийом Тирский в своей «Истории деяний в заморских землях», многословно распространяются о необходимости для историка заботиться об одной истине, другие говорят об этом лаконично, но почти все так или иначе указывают на свое правдолюбие.

Гийом Тирский явно «со знанием дела» пишет о том, какие опасности подстерегают историка, который отважится рассказать правду о минувшем: он неизбежно навлечет на себя гнев и недовольство: «Следовать событиям (не искажая их), не отступая от правил истины, — это дело, которое чаще всего вызывает обычно негодование»⁶⁵. И тем не менее, заявляет автор «Истории деяний в заморских землях», «если даже утаивать истину о содеянном непозволительно и противоречит долгу писателя, то еще более грешно будет пятнать истину ложью и ложное передавать легковерному потомству»⁶⁶. Сам он, уверяет Гийом, стремился в своем труде к истине, руководствуясь при этом «чувством нежной любви к родине», которая «властно требует от нас не допустить, чтобы забвение овладело тем, что свершилось у нас за последние почти сто лет, погребенное под спудом молчания»⁶⁷.

Гийом настойчиво повторяет и подчеркивает мысль о своем стремлении к голой правде, как бы она ни была горька для последующих поколений. «В труд, который перед нами, — пишет он, — мы включили многое о нравах, жизни и привычках королей (т. е. государей Иерусалимского королевства. — М. З.), то достохвальное, то подлежащее порицанию, но нам казалось необходимым вести рассказ в соответствии с ходом (положением) дел (обо всем подряд)»⁶⁸. И далее: «Быть может, их преемники прочитают это с негодованием и обрушатся на историка незаслуженно, обьявят его завистником или лжецом; но, видит господь, мы старались не допускать такой заразы (избегать подобного, как чумы)»⁶⁹. Правда, одна лишь правда и ничего более — вот что, если верить словам архиепископа Тирского, стояло у него всегда на первом плане: «мы были мало озабочены тем, что скажет о нас потомство и какой приговор заслужит наша ничтожная речь о столь замечательном предмете»⁷⁰.

К этому вопросу Гийом Тирский возвращается и в заключительной части своего труда, во вступлении к 23-й книге, в которой описывается плачевное состояние дел в Иерусалимском королевстве за несколько лет до его падения (в начале 80-х годов XII в.). Перехода к характеристике современных ему событий, автор не без рисовки заявляет, что ему «недостает мужества писать дальше, ибо у нас недостаточно отвращения

⁶⁵ Willermi Tyrensis Historia rerum... , t. I, part. 1, p. 3: *Rerum autem incontaminatam prosequi gestarum seriem, et veritatis regulam non deserere, res est quae indignationem solet saepius excitare.*

⁶⁶ Ibid., p. 3—4: *Si enim rerum veritatem gestarum occultare secus est et deficiens a scriptoris officio, multo fortius peccatum reputabitur mendacii naevum veris immiscere, et quod a vero deficit credulae pro vero posteritati contradere.*

⁶⁷ Ibid., p. 4: *Instat et auctoritate qua praeminet imperiose praecipit, ut quae apud se centum pene annorum gesta sunt curricula, silentio sepulta, non patiamur sentire posse oblivionis incommodum.*

⁶⁸ Ibid.: *Nam in opere, quod gestamus prae manibus, multa de regum moribus, et vita, et corporum habitudine, sive commendabilia, sive notae subjacentia, prout rerum gestarum serie videbatur deponere, interseruimus...*

⁶⁹ Ibid.: *... quae eorum posteri regentes impatienter fortasse putabunt, et adversus chronographum praeter meritum incandescunt; aut invidum aut mendacem reputabunt: quorum utrumque (vidit Dominus) tanquam rem fugimus agere pestilentem.*

⁷⁰ Ibid.: *... non multum attendentes, quid de nobis censura sit posteritas, et quid in tam eccellente materia exsanguis nostra mereatur oratio.*

к (своему) настоящему, и можем (только) изумляться тому, что видим и слышим и что недостойно быть предметом песнопений Кюдра или какого-нибудь Мевия. Ведь в деяниях наших князей не случается ничего, что бы мудрый муж счел необходимым сохранить в сокровищнице памяти (истории), что бы доставило читателю удовольствие, а писателю послужило бы к чести»⁷¹. Первоначально он, Гийом Тирский, даже собирался вообще отказаться от продолжения своего труда, дойдя до этого времени: «было бы предпочтительнее умолчать об этом и набросить мрак ночи на наши слабости, чем выставлять их на свет солнца к (нашему) стыду»⁷². И только уговоры друзей, ссылавшихся на примеры древних авторов, да его собственное сознание долга историка все же позволили это намерение: «Ведь составители анналов (здесь Гийом даже распространяет представление о своем правдолюбии на всех собратьев по перу. — М. З.) обыкновенно передают письмам не то, что им самим нравится, а то, чем распоряжается (что предоставляет им) время»⁷³.

Почти в тех же словах, но более кратко высказывается на эту тему и безвестный немецкий клирик, описавший в своей «Истории паломников» начало Третьего крестового похода: «Избрав голую правду, я ничего не стану добавлять и не вставлю (в свой рассказ) ничего вымышленного»⁷⁴. Лондонский каноник Ричард, приступая к повествованию о заморском предприятии своего короля — Ричарда Львиное Сердце, прямо заклинает читателя во всем верить его рассказу: он достоин того, ибо «мы свидетельствуем о том, что видели сами»⁷⁵. Отклоняя возможные упреки со стороны «утонченного слушателя», который может потребовать «более изящного по форме рассказа», хронист указывает ему: («пусть знает»), что «мы были в военном лагере, когда писали, а воинский шум не дает досуга для спокойного размышления»⁷⁶, иначе говоря, всячески подчеркивает в качестве главного достоинства своего «Итинерария» его достоверность.

Пикардийский рыцарь Робер де Клари, уже закончив, по сути дела, свои мемуары о Четвертом крестовом походе, полагает необходимым, однако, продиктовать писцу еще одну заключительную фразу, в которой обращает особое внимание своих будущих слушателей на правдивость и достоверность своего повествования о завоевании крестоносцами Константинополя: «Теперь вы слышали правду, — гласит последняя фраза его записок, — (о том), как был завоеван Константинополь. . . , ибо свидетельствует об этом тот, кто был при этом и видел и слышал (как происходило дело. — М. З.), — Робер де Клари, рыцарь, который и

⁷¹ Willermi Tyrensis. Op. cit., t. I, part. 2, p. 1132: . . . deficiamus in nobis ipsis detestatione praesentium, obstupescentes materiam, quae se oculis et auribus ingerit, quae nec Codri carmine, nec cujuslibet Maevii digna est relatu. Nihil enim in nostrorum principum gestibus occurrit quod memoriae thesauris vir prudens credat esse mandandum; nihil quod est lectori recreationem conferat aut scriptori proficiat ad honorem.

⁷² Ibidem: . . . Ideoque silendum erat, consultiusque videbatur nostris defectibus noctem inducere, quam solem inferre pudendis.

⁷³ Ibidem: . . . Annalium enim conscriptores non qualia optant ipsi, sed qualia ministrant tempora, mandare solent litteris.

⁷⁴ Historia peregrinorum, ed. A. Chroust. Quellen zur Geschichte des Kreuzzugs Friedrichs I. Berlin, 1928, S. 116: . . . nudam eliciens veritatem, nullum annectam figmentum, nil inseram fabulosum.

⁷⁵ H. Mayer. Das Itinerarium peregrinorum. . . , S. 246: . . . Nobis. . . historiam Jerosolimitanam tractantibus non idonea fides debetur, qui quod vidimus, testamur. . .

⁷⁶ Ibidem: At si cultiorem dicendi formam deliciosus exposcit auditor, noverit nos in castris fuisse cum scripsimus; et bellicus strepitus tranquille meditationis otium non admisisse.

предал письменам истину, как был завоеван город»⁷⁷. Не довольствуясь этим, Робер снова и снова выставляет перед слушателями правдивость своего рассказа сравнительно с другими, которые им, быть может, придется услышать: «И хотя, — читаем мы в конце его записок, — он (Робер де Клари) не так хорошо изложил (историю) завоевания, как могли бы поведать (о том) многие добрые повествователи, но зато он всегда передавал чистую правду, а немало еще правдивого и пропущено, ибо он не все мог припомнить»⁷⁸.

Другой бытописатель Четвертого похода Жоффрау Виллардуэн, дабы также создать впечатление полной правдивости и достоверности своих записок, сплошь да рядом прибегает к усиливающему риторическому приему: «И знайте, что. . .», «И да будет вам ведомо, что» и т. д.⁷⁹ А рисуя сцену отплытия флота крестоносцев с острова Корфу в сторону Константинополя (24 мая 1203 г.), он считает даже нужным специально отметить как правдивость этого описания, так и всего своего повествования: «И Жоффрау, маршал Шампанский, который продиктовал этот труд, свидетельствует вам, что еще не видано было когда-либо ничего столь прекрасного, а ведь он в нем (т. е. в своем произведении. — М. З.) никогда умышленно не лгал ни единым словом и был человеком, присутствовавшим на всех советах»⁸⁰.

Верностью истине в своем повествовании похвально и третий историограф событий 1202—1204 гг. — монах Гунтер из Парис. Во вступлении к «Константинопольской истории» он заявляет, что ни единая страница его рассказа «не будет содержать чего-либо ложного или сомнительного, но правдиво следовать действительному ходу событий», в соответствии с тем, как весьма смиренно и по истине поведал нам эту чистую и простую историю» аббат Мартин Парисский, возвратившись с Востока («тот муж, о котором мы еще многое скажем»)⁸¹. Гунтер уверяет читателя и в точности описываемого. Его труд, по собственным уверениям хрониста, — это само воплощение точности и соответствия правде. Она словно сама сходит со страниц хроники: «Тот, кто (только) прикоснется рукой к этой нашей книжечке, или, читая, приблизит к ней око, тот как бы уже этим приложит старания души своей к тому, чтобы разобраться в самих событиях, о которых здесь повествуется с такой точностью»⁸². Эти предварительные уверения, видимо, показались Гунтеру недостаточно убедительными. В 19-й главе своей хроники, где повествуется о разграблении константинопольских храмов крестоносцами в апреле 1204 г., хронист

⁷⁷ Robert de Clari. La Conquête de Constantinople, ed. P. Lauer. Paris, 1924, p. 109; Ore avés oï le verité, confaitement Constantinoble fu conquise. . . , que chis qui i fu et qui le vit et qui l'oï le tesmogne, Robers de Clari, li chevaliers, et a fait metre en escrit le verité, si comme ele fu conquise. . .

⁷⁸ Ibidem. . . Et ja soit chou que il ne j'ait si bellement contee le conqueste, comme maint boin diteur l'eussent contee, si en a il toutes eures le droite verité contee, et asés de verités en a tentes qu'il ne peut mie toutes remembrer.

⁷⁹ Jeoffroi de Ville-Hardouin. La Conquête de Constantinople. Ed. N. de Wailly. Paris, 1882, p. 42—44: Et sachiez que. . . ; p. 50: Or poer savoir, seignor. . . ; p. 72: Et sachiez que il; p. 86: Et sachiez que ce fu etc., etc.

⁸⁰ Ibid., p. 68: Et bien tesmoigne Joffrois li mareschaus de Champagne qui cestre oeuvre dita (qui ainc n'i menti de mot a son escient, si con cil qui à toz conseil fu), que one si bele chose ne fu vue.

⁸¹ Gunteri Parisiensis Historia Constantinopolitana, p. 58: cuius nostre narrationis pagina nil prorsus falsum vel ambiguum continebit, sed vereum ac certam rerum gestarum seriem prosequetur, sicut idem vir, de quo plurima dicturi sumus (i. e. abbas Martinus. — М. З.), humiliter satis ac verecunde, puram nobis ac simplicem enarravit historiam.

⁸² Ibid., p. 58—59: Quisque ergo huic nostre paginule manum vel oculum lecturus admoverit, animi quoque diligentem sollertiam rebus ipsis, de quibus hic agitur, subtiliter intuendis, studiosus adhibeat.

решил еще раз вернуться к этому сюжету и подтвердить высказанное вначале мнение о правдивости всего своего рассказа. (Гунтер сделал это, заметим попутно, довольно невпопад, именно в том месте хроники, которое являет собой бесспорное смешение полуправды с явной ложью.) Причем хронист избрал на этот раз для самовосхваления стихотворную форму и ради большей выразительности прибегнул к усиливающим сравнениям: он сопоставил свое якобы полностью правдивое повествование с творениями великих поэтов древности, и сопоставление это оказалось не в пользу последних. В отличие от Гомера и Вергилия, «каждый из которых, — так пишет Гунтер, — в достаточной мере сплетал поэтический вымысел с истиной»⁸³, «мы поем истинную правду и строго придерживаемся в нашем сочинении (того), что совершилось в наш век»⁸⁴. И далее графаретное: «Если же мы пишем не столь изящно, то зато наверняка правдивее, чем они, и не приукрашиваем зла никакими блесками»⁸⁵.

И все же посреди такого рода довольно часто повторяемых в хрониках и других сочинениях сентенций, выражающих притязания авторов на якобы свободную от всяких посторонних соображений любознательность и стремление к объективности как единственный побудительный мотив к написанию их трудов⁸⁶, мы находим в них и иные признания, свидетельствующие, что труды эти писались подчас даже с нарочито поставленными, хорошо осознанными практически-пропагандистскими целями.

Робер Монах прямо заявляет, что тема хроники⁸⁷ такова, что она должна быть «самым тщательным образом» раскрыта в его сочинении «к уразумению как ныне живущих, так и будущих (поколений)». Для чего же, спрашивается, это нужно? «Дабы таким образом, — отвечает он, — сильнее укрепилась и надежда христиан на бога, и слава его живее возбудилась бы в их душах»⁸⁸. Этот благочестивый хронист описывал крестовый поход 1096—1099 гг. отнюдь не для удовлетворения лишь любознательности своей аудитории. Его труд предназначался к тому, чтобы укрепить веру в сердцах всех тех, «которые прочитают эту историю или услышат, как ее будут читать и выслушанное уразумеют»⁸⁹. Примечательно, что и Раймунд Агильерский (как это явствует из ранее приведенного нами текста)⁹⁰ также имел в виду тех, «кто услышит» написанное

⁸³ Gunteri Parisiensis Historia Constantinopolitana, p. 108: Doctus uterque satis miscere poetica veris. . .

⁸⁴ Ibidem: Nos simplex verum canimus, scriptoque fideli prosequimur nostro fieri que contigit evo.

⁸⁵ Ibid.: Si non tam lepide, certe veracius illis scribimus, nullo decoramus vilia fucō. . .

⁸⁶ Как показала М. Шульдц, выяснявшая на материале прологов и предисловий к хроникам VI—XIII вв. осознававшиеся авторами задачи их сочинений, «нет почти ни одного исторического труда той эпохи, который не содержал бы заверений на этот счет» (см. M. S c h u l z. Die Lehre von der historischen Methode bei den Geschichtsschreibern des Mittelalters. Berlin—Leipzig, 1909, S. 10). В этом смысле хроники крестовых походов не составляют исключения. Они интересны, однако, тем, что в них особенно четко выступает несоответствие прокламаций хронистов (риторических или искренних) относительно правдивости и пр., с одной стороны, и с другой — признания ими же самими практических, религиозно-политических целей, которые преследовались при написании хроник. См. ниже.

⁸⁷ В «Предисловии» к хронике Робер сообщает, что писал ее, «побужденный обетом послушничества», и притом *по прямому указанию аббата Бернара* (R o b e r t i M o n a c h i Historia Iherosolimitana, p. 721).

⁸⁸ Ibid., p. 723: Et ideo litterali compaginatione commendari debet notitiae tam praesentium quam futurorum, ut per hoc et spes in Deum Christiana magis solidetur, et laus ejus in eorum mentibus vivacior incitetur.

⁸⁹ Ibid., p. 721: . . . Universos qui hanc historiam legerint, sive legere audierint et auditam intellexerint. . .

⁹⁰ См. выше, стр. 149.

им: предполагалось, видимо, что хроники крестового похода станут предметом самой широкой «устной пропаганды», чтения вслух, в результате чего с ними познакомятся не только клирики, владеющие грамотой, но и неграмотные люди (а таковыми в ту пору, как известно, были и крестьяне, и большей частью рыцари), которые будут воспринимать *ore ad os* описание подвигов крестоносцев и «*услышанное уразумеют*», т. е. сделают из него надлежащие выводы. О характере этих желательных для церкви выводов Робер Монах также пишет вполне откровенно, завершая «Пролог» к своей хронике⁹¹: «Да поможет нам премудрость господня, ради прославления же имени божьего и пишем»⁹².

Итак, «прославление имени божьего», следовательно, и прославление церкви, действовавшей в «священной войне» от этого имени, — такова сокровеннейшая и наипервейшая цель увековечения реймским монахом «Иерусалимской истории» в его одноименной хронике. Он создавал ее *ad majorem Dei gloriam*.

Не менее выразительно формулируется аналогичная цель в другой «Иерусалимской истории» — Фульшера Шартрского. В «Прологе» к ней этот священник пишет, что «счел достойным изложить по порядку (оставить в памяти) деяния франков»⁹³, дабы «те, кто живут на свете, услышав о благочестивых намерениях (устремлениях, деяниях) верных своих предшественников, *воодушевились ревностью и любовью к богу еще более пламенно*»⁹⁴.

С большой четкостью практически-пропагандистские, апологетические задачи латинской хронографии крестовых походов выступают в «Деяниях Танкреда» Рауля Каэнского, который, заметим кстати, и писал свой исторический труд по заданию феодальных предводителей, поставленных им затем в центр повествования, — Боэмунда Тарентского и Танкреда⁹⁵. Рауль Каэнский в довольно прозрачных выражениях определяет, говоря языком наших дней, «идейно-воспитательное» назначение своего повествования: «рассказывать о деяниях князей — дело благородное»⁹⁶ и потому, что такой рассказ спасает от забвения их самих и потому, что он «прославляет мертвых и улаждает переживших

⁹¹ «Иерусалимская история» Робера Монаха предваряется, помимо «Предисловия», еще и «Прологом».

⁹² Roberti Monachi. Op. cit., p. 723: Inferat ergo nobis Dei sapientia quod ad laudem sui nominis proferamus.

⁹³ Fulcherii Carnotensis. Op. cit., p. 319: . . . Francorum gesta . . . ordinatione . . . dignum ducens memoriae commendandum . . .

⁹⁴ Ibid., p. 319: . . . Nam qui vivunt in mundo, audita intentione pia praedecessorum fidelium . . . ad diligendum eum (i. e. Deum. — М. З.) ardentius conjuncti ipso aspirante animantur.

⁹⁵ В «Прологе» к своему сочинению Рауль Каэнский пишет, что Боэмунд и Танкред часто вспоминали при нем о минувших схватках и каждый из них восклицал: «Увы! Вот как губит нас лень! Почему для прежних поэтов высшим удовольствием было писать? А ведь они сочиняли баснословные выдумки; наши же современники молчат о победах воинства христово». . . И порицая таким образом «во всеуслышание» этих «молчащих современников», «оба все чаще обращали на меня свои очи, не знаю, с каким намерением, словно намекая: «Это мы для тебя говорим, на тебя рассчитываем» (R a d. C a d o m. Op. cit., p. 603: «Papae! Aiebant, quonam modo nos segnitie perdit; quum priscis summa votibus fuerit scribere voluptas. Et illi quidem adinventiones fabulosas ordiuntur; militiae Christi victorias tacent hodierni». . . Haec publicae moventes, specialiter in me, nescio quo auspicio, saepius visi sunt oculos retorquere, ac innuerent: «Tibi loquimur, in te confidimus»). И Рауль сделал надлежащий вывод из этих намеков! См. подробней об обстоятельствах создания «Деяний Танкреда» в исследовании: L. V o e h m. Die Gesta Tancredi des Radulph von Caen. «Historisches Jahrbuch», Bd. 75, 1956, S. 50—51.

⁹⁶ R a d. C a d o m. Op. cit., p. 603: Nobile est studium res probe gestas principum recensere. . .

(их)»⁹⁷. А во-вторых, самое важное, с точки зрения этого княжеского историка, заключается в том, что повествование о деяниях князей и об истории рыцарских подвигов «воскрешает то, что минует, *показывает победы, прославляет победителей* (sic! — М. З.), выводит на свет медлительность, *возвышает доблесть, клеймит пороки, внушает добродетели* — короче говоря, творит много хорошего»⁹⁸.

Прославление победителей в назидание потомкам — вот в чем, следовательно, усматривает историк-рыцарь смысл повествования о «священной войне». Об этом же он пишет и в других местах «Пролога» к своему труду.

Похваляясь собственной правдивостью, автор указывает, что намеревался написать историю «счастливого паломничества» лишь после смерти Танкреда с тем, чтобы избежать упреков в лести со стороны завистников: «тогда и завистливый смолкнет, и ропот утихнет, ибо с твоею смертью прекратятся подарки, которыми ныне беспрестанно я осыпан тобою при твоей жизни, и ядовитые языки не смогут уже злопыхательствовать, называя меня продавцом побасенок, а тебя — их покупателем»⁹⁹. Однако существенно то, что независимо от времени написания «Деяний Танкреда», Рауль Каэнский с самого момента зарождения у него замысла написать свой труд исполнен желания прославить героя: «Я не стану хвалить тебя при жизни, но *воздам хвалу* после смерти, *возвеличу* после завершения»¹⁰⁰. Историк рассказывает, как часто, предаваясь воспоминаниям о «счастливом паломничестве», о «славном (пролитом нами) поте, который вернул нашей матери (т. е. церкви. — М. З.) ее наследство — Иерусалим, искоренил идолопоклонство, восстановил веру»¹⁰¹, думал, что отнюдь «не будет нелепым», если каждый, кто восстановит в памяти эти события, «станет рукоплескать (совершенному), восклицая при этом: «Вот твои сыны, Иерусалим; они явились издалека, и тогда дочери твои (к примеру, Яффа и многие другие, лежавшие во прахе) восстали из неизвестности!»¹⁰².

О практических, в том числе назидательно-пропагандистских мотивах написания хроник крестовых походов, о тех политических «страстях», бурное кипение которых нередко вызывало к жизни эти сочинения, свидетельствует и Одо Дейльский. Подробной (подчас даже чрезмерно) передачей фактов он хочет иной раз *предостеречь последующих крестоносцев* от повторения тех или иных ошибок, допущенных французским войском в 1147 г.

Когда франки, оставив Регенсбург, где отыскалось достаточно барок, двинулись к Болгарии, «многие из наших», рассказывается в хронике Одо Дейльского, отправились не сушей, а по Дунаю. При этом «некоторые вместе с людьми и походным скарбом погрузили на суда и двух- и четы-

⁹⁷ R a d. C a d o m. Op. cit., p. 603: . . . sepultos celebrat, oblectat superstitis .

⁹⁸ Ibidem: . . . dum quod transiit refert, dum victorias profert, dum victoribus defert, segnitiam aufert, probitatem affert, vitia transfert, virtutes infert, plurimum confert.

⁹⁹ Ibid., p. 603—604: «Porro invidus tacebit, ommutiscet susurro, quum te extincto, munera cessabunt, quibus nunc incessanter a superstite muneratum, venenosae linguae fabularum me venditorem circumagerent, te emptorem».

¹⁰⁰ Ibid., p. 603: . . . non te laudabo in vita tua, laudabo post mortem, magnificabo post consummationem. . .

¹⁰¹ Ibidem: Haec mihi saepius attentiusque consideranti occurit felix illa peregrinatio, sudor ille gloriosus, qui matri nostrae Jerusalem haereditatem suam restituit, idolatriam extinxit, fidem reparavit. . .

¹⁰² Ibidem: . . . ut scilicet non absurde quis in his applauserit: «Ecce filii tui, Jherusalem, de longe venerunt, et filiae tuae (Joppe, videlicet, compluresque alii ruinam pas-sae) de latere surrexerunt. . .»

рехколесные повозки: (это было сделано) в надежде наполнить их в степях Болгарии, возместив там потери, понесенные в начале похода»¹⁰³. Однако ожиданиям этим не суждено было сбыться: надежда, которая вначале, да и впоследствии, возлагалась на повозки, «оказалась большей, чем действительная польза от них»¹⁰⁴. Повозки эти лишь загромождали дороги, создавали заторы, возницы насакивали в общей сумятице друг на друга¹⁰⁵, «от (всего) этого продвижение на конях чрезвычайно замедлялось» и к тому же «вспыхивало много ссор из-за нехватки корма»¹⁰⁶. Упомянув об этом, Одо Дейльский тут же определяет и мотивы, заставляющие его описывать такого рода мелочи: «Мы все это рассказываем ради предостережения потомков»¹⁰⁷, т. е. имея в виду будущих крестоносцев. В их интересах он отмечает полезные, как ему кажется, хотя и второстепенные, детали событий, в которых сам участвовал.

Его сочинение предназначается прежде всего для возбуждения к «священным войнам» новых ратников на Западе. Поэтому хронист подчас прибегает и к противоположному приему изложения материала, а именно: он опускает кое-какие подробности в тех случаях, где они, загромоздив страницы хроники, лишь помешали бы выполнению ею этой задачи. Сообщив о переправе на азиатский берег Босфора вслед за основным ядром французского войска других отрядов крестоносцев, прибытия которых Людовик VII ждал несколько дней, Одо заявляет, что не станет перечислять имена всех вождей этих отрядов не только потому, что ему прискорбно называть имена тех, свидетелем чьей преждевременной смерти он сам является, но и потому, в особенности, что «читателю, вероятно, было бы скучно читать это»: ведь он, читатель, в хронике «ищет пользы и примеров доблести»¹⁰⁸. Признание в высшей степени ценное: «примеры доблести» — вот что хронист стремится в первую очередь преподнести читателю!

Но, пожалуй, самым откровенным образом помыслы Одо Дейльского выдает лирическое отступление, которым завершается рассказ о разгроме сельджуками немецких крестоносцев в Малой Азии, о том, как остатки разбитого войска императора Конрада III соединились под Никеей с французским ополчением, двигавшимся после немецкого, и о кознях, которые при этом якобы чинили отступавшим немецким крестоносцам коварные византийцы. Они лишали их возможности производить закупки в своих владениях и ежедневно грабили и истребляли воинов креста¹⁰⁹. Сравнивая плачевное положение германских народов в настоящем с их славным прошлым, хронист сперва выражает скорбь об участи своих единоплеменников из-за Рейна: «О горе! Сколь печальна судьба этих саксонцев, диких батавов и прочих алеманнов, перед которыми некогда, как мы читаем в старинных историях, трепетало могущество Рима и которых

¹⁰³ Odo de Diogilo, p. 24: Ad hanc urbem (i. e. Ratisbonam. — М. 3.) . . . invenerunt navium multitudinem copiosam quae sarcinas nostras multumque populum usque Bulgariam deportabant. Bigas etiam et quadrigas nonnulli navibus imponebant, ut damnum praeritum in desertis Bulgariae compensarent.

¹⁰⁴ Ibidem: . . . sed prius et postea magis fuere spei quam utilitati.

¹⁰⁵ Ibidem: . . . si vero plures inveniebant, omnes pariter aliquando saepiebant, et summarii vitantes earum impedimentum persaepe gravius incurrebant.

¹⁰⁶ Ibidem: Ex hoc erat mora frequens equorum et de parvis dietis quaerelae multorum.

¹⁰⁷ Ibidem: Ad cautelam haec omnia dicimus posterorum.

¹⁰⁸ Ibid., p. 80: . . . Quorum nomina mihi dolor est recitari, quia mortes eorum immaturas aspexi (et esset forsitan legenti taedium qui quaerit utilitatis vel probitatis exemplum).

¹⁰⁹ Ibid., p. 96: . . . Cotidie Graeci rebus et vita spoliabant.

ныне столь злосчастно губят хитрости трусливых греков»¹¹⁰. Вслед за этим он предупреждает читателя, что намерен в свое время рассказать также о гибели французов (разумеется, по вине греков) в Малой Азии: «И будет нестерпим двойной вопль (т. е. от этого рассказа. — М. З.); и тот и другой народ будут иметь, от чего всегда сокрушаться, если, — многозначительно добавляет хронист, — сыновья не отплатят за смерть отцов»¹¹¹.

Здесь перед нами довольно откровенный, хотя и приглушенный, призыв к отмщению византийцам за гибель крестоносных армий. Этот мотив далее развивается хронистом и более обстоятельно. Он, Одо, рассчитывает, что «божественная справедливость подарит нам, которые перенесли столь мерзких преступлений греков, надежду увидеть их отмщенными»¹¹². Не довольствуясь выражением надежды на небесное вмешательство, капеллан французского короля обращается непосредственно к сердцам «верных» — немцев и французов, провоцируя их на выступление против Византии: «ведь наши народы не привыкли долго сносить столь постыдные обиды»¹¹³.

И вот как раз в этом месте Одо предельно ясно формулирует подлинные задачи своего исторического труда: «Итак, утешим этим (т. е. надеждой на скорое отмщение грекам. — М. З.) печальные души и продолжим рассказ о наших бедствиях, дабы потомки извели гнусные преступления греков»¹¹⁴.

Возбуждение деятельной ненависти к последним как цель хроники вырисовывается в этих словах со всей очевидностью.

Но у Одо Дейльского имеется еще одна задача практически-апологетического свойства: успокоить и направить должным образом общественное мнение своего времени, раздраженное неудачей и потерями Второго крестового похода¹¹⁵. Хронист стремится поэтому в особенности оправдать те действия вождей крестоносцев, которые, как ему представляется, могут показаться ошибочными французской общественности. Так, Одо старается доказать правильность линии поведения главарей похода в один из критических моментов его, именно — при оставлении баронами Атталии (февраль 1148 г.), когда они действовали далеко не «по-рыцарски»: бросив на произвол судьбы «меньших братьев», бедняцкую часть ополчения, бароны и епископы во главе с Людовиком VII сели на корабли, безвозмездно предоставленные им греческими властями по указанию уполномоченного Мануила Комнина, и отбыли в Антиохию. Тысячи их покинутых соратников погибли вскоре в Малой Азии от истощения, болезней и в неравных схватках с противником¹¹⁶.

Одо Дейльский прилагает все усилия к тому, чтобы реабилитировать феодальных руководителей предприятия, явно запятнавших себя трусостью и своекорыстием, не подобающими «истинным» крестоносцам, и смягчить таким образом ропот, поднявшийся в стране по возвращении Людо-

¹¹⁰ Odo de Diogilo, p. 98: Heu, quam miseranda fortuna Saxones, Batavosque truces et alios Alemannos quos, in antiquis historiis legimus, quondam Romanam fortitudinem timuisse, nunc dolis Graecorum inertium tam misericorditer interisse!

¹¹¹ Ibidem: Refertur quoque suo tempore Francorum occasus, et erit intolerabilis geminus luctus, et habebunt gentes utraeque quod semper defleant, si filii mortes parentum non vindicant.

¹¹² Ibidem: Dat autem nobis qui pertulimus Graecorum scelera divina justitia spem vindicta.

¹¹³ Ibidem: ... et quod nostrae gentes non solent verecundias injurias diu ferre.

¹¹⁴ Ibidem: His interim maestos animos consolamur et, ut sciant posteri Graecorum dolosa facinora, nostra infortunia prosequemur.

¹¹⁵ См. М. А. Заборов. Крестовые походы. М., 1956, стр. 148 сл.

¹¹⁶ Odo de Diogilo, p. 136 sq.

вика VII из-за моря. Повествуя о событиях, развернувшихся в Атталии, событиях, которые не делали чести королевскому окружению и самому Людовику VII, хронист вставляет в свое повествование целую защитительную тираду, призванную уберечь крестоносных предводителей от обвинительного приговора современников. Обращаясь к читателю, Одо Дейльский пишет: «Быть может, те, кто не знает (дела), скажут, что (нам) надо было овладеть этим городом (т. е. Атталией. — М. З.) и отплатить за козни жителей»¹¹⁷. Пусть, однако, они поразмыслят (над тем), что лишённые каких бы то ни было запасов, мы были окружены справа и слева внутренними и внешними врагами и что для нас было невозможно опрокинуть без осадных приспособлений высокие башни или произвести быстро подкоп под двойные стены»¹¹⁸. «Конечно, — продолжает автор, — можно было бы взять в плен градоначальника и императорского посла, когда они явились к королю, но даже если бы они были повешены (нами), жители бы от этого не сдали (нам) город. Да это и против обыкновения короля было брать город столь предательским путем и (к тому же) подвергать всех франков опасности безо всякой надежды на успех»¹¹⁹.

Вывод, который должен вытекать из всего этого, по замыслу хрониста, ясен: вожди сделали все, что могли при сложившихся обстоятельствах, и, следовательно, винить их ни в чем дурном нет никаких оснований. Таким образом, и в этом плане, т. е. стремясь восстановить подорванную репутацию крестоносных предводителей, Одо Дейльский предстает перед нами как автор, преследующий очевидные пропагандистско-политические цели. Его хроника составлялась с тем, чтобы так или иначе *повлиять на общественное мнение* в духе, благоприятном для Людовика VII и феодальной знати, запятнавших себя трусостью и крайним своекорыстием, выгородить своих «героев» и расчистить путь для проповеди новых «священных войн».

Аналогичную тенденцию мы обнаруживаем и у современника Одо Дейльского — баварца Оттона Фрейзингенского. Он решительно восстает против тех критических суждений в адрес организаторов и вождей крестового похода (и особенно против той общей скептической оценки этого провалившегося предприятия), которые высказывались даже церковниками. «Некоторые из малодушной церковной братии, — наставительно пишет Оттон Фрейзингенский, — посрамленные (неудачей похода. — М. З.), удивляются и, удивленные, стыдятся (бесплодности) тех трудов, которые были вынесены в нашем походе, (стыдятся) того, что, имея столь пылкое и доброе начало, он получил столь унижительный и скверный конец»¹²⁰. Этого делать, однако, не следует, полагает историк, и вот почему: несмотря на дурной исход, несмотря на то, что по своим непосредственным практическим итогам поход и в самом деле оказался неблагоприятным, он все же *«послужил для спасения многих*

¹¹⁷ Хронист имеет в виду прежде всего высокую плату, которую греки запросили за доставку крестоносного воинства морем в Антиохию, всевозможные проволочки, чинившиеся властями Атталии во время переговоров о предоставлении кораблей и пр. См. *ibid.*, p. 134.

¹¹⁸ *Ibid.*, p. 134: Dicturi vero sunt ignari talium hanc urbem debuisse capi, et vindictam sumi de dolis civium. Recogittent illi dextra llaevaue privatis et extraneis hostibus sine victualibus nos obsessos et esse impossibile turres arduas sine machinis ruere vel cito posse suffodi duplices muros.

¹¹⁹ *Ibidem*: Poterant quidem dux et imperatoris nuntius capi quando veniebant ad regem, sed cives pro illorum suspendio non redderent civitatem. Eratque regi abominabile, contra morem suum hanc conditione capi et commune periculum sine captione temptari.

¹²⁰ *O t t o n i s e t R a h e w i n i G e s t a F r i d e r i c i I i m p e r a t o r i s*, p. 91: Nonnulli ex pusillis ecclesiae fratribus scandalizati mirantur, mirando scandalizantur de praetaxatae nostrae expeditionis labore, quod tam arduo et bono inchoata principio, tam humilem et non bonum exitum acceperit. . .

душ»¹²¹. Значит, нечего — таков подтекст рассуждений Оттона Фрейзингенского — сетовать на провал крестового похода, в принципе остающегося и впредь богоугодным делом!

Прославление крестоносцев составляет одну из центральных задач, поставленных и автором «Истории деяний в заморских землях» — Гийомом Тирским. В «Прологе» он возвещает о своем намерении изложить события, начиная от «похода *доблестных* мужей и *любезных* богу князей, которые, выйдя по призыву господню из западных царств, сильною рукою завоевали землю обетованную и с нею почти всю Сирию»¹²². Набор эпитетов сам по себе говорит об отношении автора к героям его будущего повествования. В 7-й главе первой книги Гийом Тирский еще более открыто заявляет: «В настоящем труде рассказано обо многом из того, что турки содеяли против наших, и о *тех великих и изумительных подвигах*, которые чаще были нашими совершаемы против них» (турок)¹²³. Эта апологетическая направленность большей части труда Гийома Тирского выявляется и в его собственной оценке основного содержания «Истории деяний в заморских землях», данной в авторском вступлении к 23-й книге, где историк так резюмирует все предшествующее повествование: «До сих пор, в предыдущих книгах, мы описывали, как умели, *славные деяния отважных героев*, которые в течение восьмидесяти лет с лишним управляли страной на нашем Востоке, прежде всего в Иерусалиме»¹²⁴. И здесь, следовательно, автор недвусмысленно утверждает, что свою задачу он видел главным образом в том, чтобы воспеть знаменитых героев и их великие, в его глазах, деяния.

Каковы бы ни были скрытые побуждения, толкавшие Гийома Тирского на пути героизации «заморских деяний» и их исполнителей¹²⁵, апологетический характер и направленность основной части его «Истории» выступает в этих признаниях достаточно явственно. Сам он формулирует несколько дальше задачи историков, как они ему представляются, с несколько наивной прямотой средневекового церковного политика, говоря: «Мы хорошо сознаем двойственное предназначение историков: (с одной стороны), (они) воодушевляют потомков своими рассказами о счастливо свершившихся деяниях, (с другой), примером испытавших несчастную судьбу делают их (потомков. — М. З.) более осмотрительными в подобных же обстоятельствах»¹²⁶.

¹²¹ *Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I imperatoris*, p. 93: . . . non fuit bona pro dilatione terminarum vel commoditate corporum, bona tamen fuit ad multarum salutem animarum.

¹²² *Willermi Tyrensis*. Op. cit., t. I, part. 1, p. 5: . . . ab exitu virorum fortium et Deo amabilium principum, quia regnis Occidentalibus, vocante Domino, egressi, Terram Promissionis et pene universam Syriam manu forti sibi vindicaverunt.

¹²³ *Ibid.*, p. 21: . . . in opere praesenti erant dicenda quamplurima, quae ipsi contra nostros, nostrique adversus eos viriliter magnificeque saepius gesserunt.

¹²⁴ *Ibid.*, part. 2, p. 4132: Qui enim hactenus in superioribus libris, virorum fortium qui in nostro Oriente maximeque Hierosolymis, per annos octoginta et amplius principatum tenuerunt, egregia facta, quali quali stylo descripsimus. . .

¹²⁵ Гийом Тирский хотел, думается нам, картиной доблестных подвигов и великих успехов первых крестоносцев, рисовавшейся его воображению, возможно резче оттенить глубокий упадок франкских государств в Сирии и Палестине в начале 80-х годов XII в. Пройсками возобладавшей в то время в межпартийной борьбе клики Гюю Лузиньяна отстраненный от участия в государственных делах и фактически находившийся в опале, целиком уйдя в свой труд, Гийом Тирский, естественно, особенно болезненно переживал удары судьбы, и все происходившее представлялось ему в весьма мрачном свете; отсюда — стремление заклеить современных ему, погрязших в пороках восточных франков сравнением их с «великими мужами», действовавшими в начале эпохи крестовых походов. Биографические данные о Гийоме Тирском в 80-х годах см. А. С. Креу. Op. cit., p. 158.

¹²⁶ *Willermi Tyrensis*. Op. cit., t. I, part. 2, p. 4132: Rerum gestarum scriptoribus utramque sortem pari esse ratione propositam, ut sicut gestarum feliciter

К этому остается лишь добавить, что Гийом Тирский писал свой труд по «государеву велению». Изложение мотивов, заставивших его взяться за перо, он завершает следующим образом: «Кто всему этому *присоединилась приказание государя Амори*. . . , которым нелегко было пренебречь (которое я не мог не уважить); его многократные настояния особенно, — замечает автор, — побудили меня приняться за труд»¹²⁷.

И даже особенно настойчиво подчеркивающий достоверность своего изображения событий (Четвертого крестового похода) Гунтер Пэрисский, очевидно, не замечая противоречия в своих проникнутых пафосом самовосхваления рассуждениях, признается, что в конце-то концов он писал «Константинопольскую историю» ради того, чтобы *«воздать честь германскому народу и к его радости»*, а также «в утешение и в защиту всей западной церкви»¹²⁸ — признание, которое важнее многих комментариев!

Из всего этого явствует, что в действительности описание крестовых походов их католическими летописцами-современниками преследовало отнюдь не прокламировавшиеся ими самими отвлеченно-идеальные цели, вроде бескорыстного служения исторической истине или стремления удовлетворить любознательность потомков. Напротив, латинско-франкские историки крестовых походов обычно ставили перед собой задачи сугубо практического свойства, и в первую голову — прославление и возвеличение войн с иноверцами. То и другое должно было, как предполагалось, т а й н о и я в н о способствовать пропаганде новых «священных походов» на Восток, что соответствовало интересам наиболее агрессивных настроенных кругов феодалов и упрочению позиций церкви — идейного вдохновителя, а в значительной степени и прямого организатора крестовых походов.

Все отмеченные ранее обстоятельства, а именно: классовая принадлежность хронистов, особенности их исторического мировоззрения, вытекавшие из этого, наконец, осознанные ими или неосознанные, но всегда так или иначе имевшиеся налицо апологетические побуждения, — все это определяло характерные качества трудов современных крестовым походам писателей. Их разбор — дело дальнейшего исследования.

narratione posteris ad quandam animositatem erigunt, sic, infortuniorum subjectorum exemplo, eosdem reddant in similibus cautiores.

¹²⁷ Ibid., part 1, p. 5: Accessit praeterea domini Amalrici regis. . . jussio, non facile neglegenda, et instantia multiplex, quae ad idipsum nos maxime impulsit. . .

¹²⁸ Guntheri Parisiensis Historia Constantinopolitana, p. 58: . . . ad solatium et tutelam universe occidentalis ecclesie. . .